

Искорка

1973

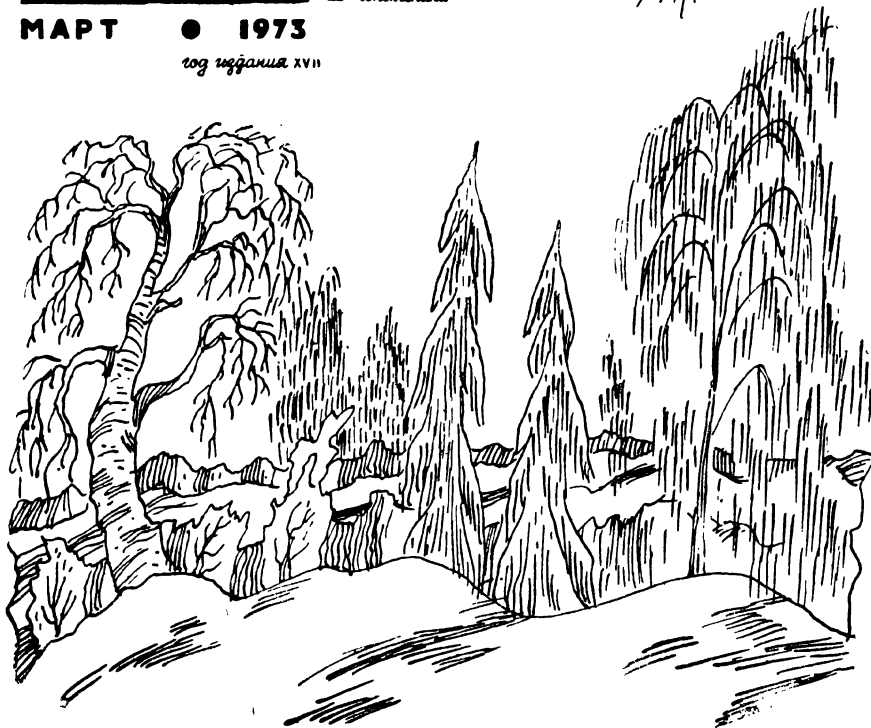
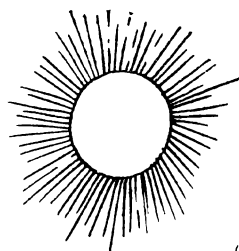

МАРТ ● 1973

год издания XVII

газеты
«Ленинская
искорка» -
орган
Ленинградского
Обкома и
Горкома
ВЛКСМ,
Ленинградского
Совета
пионерской
организации
имени
В.И.Ленина

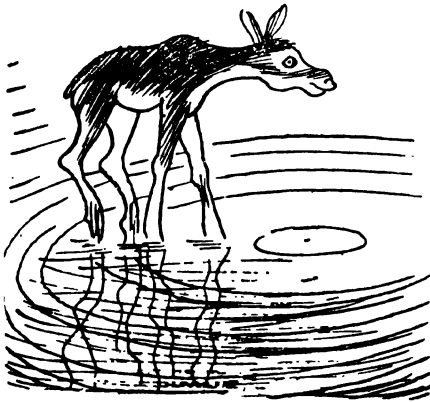
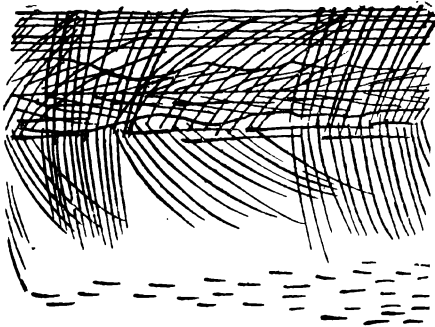
Леонид ШКАВРО

М а р т

Длиннее день.
Светлее окна.
И, точно острые мечи,
в сугроб, рыхлющий
и мокрый,
вонзаясь, плавятся лучи.

И на проталине
вприпрыжку
танцуют шустрые скворцы,
и пробуют на вкус
мальчишки
весны резные леденцы.

Лосёнок

Мордахою тычет лосёнок
 в болотце,
 прикрытое ряской,
 и смотрит на нас
 несмышлёныш
 с какой-то наивной опаской.
 Копытцами пробует землю,
 сторонится игол еловых,
 и мама счастливая внемлет
 его неокрепшему зову.
 Ещё неосознанным страхом
 живёт он пока, —
 потому
 любая взлетевшая
 птаха
 страшнее медведя ему.
 Протяжно мычнёт,
 не решаясь
 войти на рассвете
 в тайгу,
 как будто бы
 сказку он знает
 про старую
 бабу-ягу.

Рис. Г. Ясинского

ЖАВОРОНКИ ПРИЛЕТАЮТ СЮДА

КОРОВЬЕ ЛАКОМСТВО

Сашка сказал правду. В тот день, как и все, он поливал с матерью огород. А когда за вечерело, стал подумывать, что пора уж ему на ферму, где дожидался самосвал. И улизнул бы, — на такие дела он артист. Но помеха свалилась с самой неожиданной стороны.

Послышались отдалённые выстрелы пастушьего бича, за Голынским лугом поднялась над дорогой пыль.

— Шабаш! — распрямилась над грядами мать. — Вот и день весь. Коровы с поля идут.

Она вытерла фартуком свои натруженные руки, захватила в сенях приготовленный для Лыски кусок хлеба и пошла на дорогу.

Сашка решил воспользоваться моментом и задать

стрекача. Он уже отбежал садом на задворки, но неожиданно остановился. Прислушался. Издалека доносились голоса. Сперва что-то сказала мать, потом загудел, пересиливая одышку, пастух дядя Игнат:

— Не корова — наказание! Хвост трубой — и через речку. А там кустами в рожь... Ищи ветра в поле!..

Для Сашки это не было новостью. Сколько уж раз Лыска обманывала пастухов. Ей ничего не стоило притаиться за кустом, а когда стадо уйдёт, разгуливать, где можно и где нельзя.

И хоть нравилась Сашке коровья смекалистость и хитрость, на этот раз он вскипел.

«Чтоб ты околела, проклятая! Чтоб ноги себе переломала!» — мысленно костил он корову, но уже твёрдо знал, что на самосвале в этот вечер ему не кататься. Какое катанье, если Лыска при всём своём уме всего только корова: не завязнет в трясине возле речки, так сдуру обожрётся зелёным овсом или клеверной отавой.

Вернувшись домой, Сашка сорвал с гвоздя ремённый кнут, щёлкнул им, как из ружья выпалил, и велел матери пройти по-над речкой, поискать в кустах. А он пойдёт напрямик к лесу. Там, за Бородулинским полем, посеян люпин, и Лыска однажды уже отведала этого сладкого лакомства.

Пока бежал стёжкой через рожь, взошла луна, в небе замерцали неяркие звёзды. Тяжёлые, налитые колосья касались разгорячённого Сашкино-

го лица, щекотали его своими усиками. Где-то под ногами трещали невидимые кузнечики, а над самой головой время от времени проносились какие-то ночные птицы, поднимая крыльями ветер, ныряя в чащу ржи и затихая в ней. Как видно, выискивали мышей или другую поживу.

Сашку томила тревога. Ну как Лыски здесь не окажется? Где её ещё искать? Он перешёл на неспешный шаг, чтобы растянуть сомнительную надежду. Но вскоре тропинка кончилась, и в свете луны открылось люпинное поле. Не без страха глянул Сашка перед собой — пусто! Скосил глаза вправо — пусто! Уже не надеясь, поглядел налево и разом забыл всю свою тревогу и злость на корову. Склонив к земле рогатую голову, обмахиваясь хвостом, Лыска жадно захватывала и подрезала языком унизанные жёлтыми цветами сладкие стебли растения.

— Лыс-ка-а! — как можно ласковее позвал Сашка.

Корова повернула голову, насторожённо повела одним ухом, другим, облизывая морду, и уставилась на Сашку. Узнать-то она его узнала, но ещё не выяснила намерений.

Выставив руку, Сашка решительно подошёл к корове, дал понюхать свою ладонь. Потом почесал ей за ухом и, как бы невзначай, намотал на рога кнут.

— Сладкоежка! — уже посмелее и погромче упрекнул он Лыску. — Пошли домой!

Шумно вздохнув, корова с сожалением оглядела люпинное поле и не стала упорствовать. Пыхтя, она двинулась вслед за Сашкой. Как видно, уразумела своим коровьим умом, что легко отделалась.

Теперь уж некуда было торопиться, и Сашка решил вести корову дорогой. Хоть это и дальше, зато не так тесно и не так росно, как тропкой.

Ещё не остывшая пыль в глубоких, раскатанных колеях приятно согревала озябшие бо-
сые ноги, но свежесть ночи проникла сквозь рубашку и стала холодить бока и спину. Тогда Сашка пропустил Лыску чуть вперёд, перекинул руку через её широкую горячую шею и привалился к ней боком, как к печке. Сразу стало хорошо и уютно.

Медленно брели они вдвоём с Лыской. И сейчас, когда все переживания отступили в прошлое, Сашке даже нравилось, что не спит он в эту ночь, а идёт домой под высоким лунным небом, где ему всё кругом знакомо и всё кругом любо, от горизонта до горизонта.

Впереди на дороге зачернело что-то и медленно стало приближаться. «Человек! — догадался Сашка. — Должно, кто-то из бородулинских. Кто ж это так припозднился?»

Пока Сашка шёл и гадал, за спиной встречного путника возникли два тёмных клубка и быстро его настигали.

— На велосипедах! — поделился Сашка со своей рогатой собеседницей. — Не одни мы не спим.

Скоро они поравнялись, слезли с велосипедов и пошли вместе навстречу Сашке. Теперь уж он мог не только видеть их, но и слышать, о чём говорят.

— Нет ли прикурить, хлопцы? Спички запропалились, будь они неладны!

Сашка узнал по голосу бородулинского плотника Андрея Клешнёва, отца своего одноклассника Тимки. Узнал и остальных бородулинских — Бориса и Степана. Эти парни работали в Рымках на лесопилке и каждый день ездили туда на велосипедах.

— Как не быть? — отозвался Борис. Чиркнул зажигалкой, поднёс Клешнёву огонька. — А ты, видать, загулял, дядя Андрей. Какой такой праздник нынче?

— Есть маленько! — затаился дымом Клешнев. — У свата в Горянах помянули мою покойницу. Вот и весь праздник. Ну, вы меня не ждите, пеший конному не товарищ!

Парни укатили на велосипедах, Клешнёв пошёл следом. Так с ними и разминулся Сашка. Ещё поглядел в спину плотнику, посочувствовал: «Надо ж! Один теперь ребятам и за папку и за мамку. Летом ещё так-сяк, потому что Тимка дома. А зимой?»

Для Васьки, для Егора, для тётки Матрёны эти ночные Сашкины странствия были, конечно, новостью. Но сам-то он понимал, что новость это не такая уж секретная. Стоит следователю повидаться с пастухом, дядей Игнатом, тут же и узнает, где и как Сашка спал в ту ночь, когда загорелось поле. Потому-то он не стал ни хитрить, ни запираяться — рассказал всё как было.

ПРЕСТУПНАЯ НЕОСТОРОЖНОСТЬ

В вечерних сумерках от избы к избе метались по деревне мальчишки, стучали в затворённые от комаров оконные створки и властно покрикивали:

— На сход! К бригадировой хате!

Лениво тявкали ещё не остывшие от дневной жары деревенские псы. Скрипели двери, выпуская недоумевающих мужчин. А женщинам не так-то просто оторваться от дел.

Они гревели в сених подойниками, процеживая молоко черного удоа, второпях убрали посуду, прикидывая, какую надеть кофту и какой накинуть платок, чтобы явиться на люди не хуже других.

У старой бригадировой избы стояла председательская «Волга». Возле неё уже крутились мальчишки, гордые тем, что за каких-то десять минут оповестили всю деревню.

Васька распластался на траве, сунул голову под сверкающий никелем бампер. Рядом повалился Сашка Зима. Вдыхая запах масла, перемешанный с кислым запахом пыли, они разглядывали переднюю подвеску и тут же затеяли спор. Колька Карасёв молчком проскользнул к левой дверце, надавил кнопку. Он всегда молчком! Негромкий щелчок, и Колька уже внутри. Хочется ему потрогать всё сразу, но за что ухватиться, не знает. Нечаянно облокотился на рулевое колесо, а машина как заревёт!

Все врассыпную. И когда выбежал из хаты Митя-шофёр, он увидел мальчишек лишь вдалеке. Усмехнулся, покачал головой и запер дверцу на ключ.

Начали подходить мужчины. Попыхивая сигарками, балагурия, степенно усаживались на первый венец сруба нового бригадирова дома.

— Райский аромат! — потянул ноздрями дядя Лаврен, садясь. — Век бы нюхал свежую древесину.

— Курорт! — согласился Васькин отец. — Гляди только штаны не оставь на этом срубе. Не прилипни.

— А-а, смола не грязь! — отмахнулся дядя Лаврен. — Не слышали, зачем сходи?

— Кто ж его знает, — пожал плечами комбайнер Филипп Соломин. — Тут поговаривали, будто у деда Михася с бабкой Маланьей брильянтовая свадьба на днях. Так, может, поздравлять приехал, — глянул он на председательскую «Волгу».

— Ужель брильянтовая? Это ж семьдесят пять годов! — не то удивился, не то позавидовал бородатый Илья Воронов. — Скажи, до чего здоров Михась. Фашист уж на что лютовал, а и тот его не порушил.

— Где ему! Фашист давно в земле истлел, а дедушка Михась ещё крепок, как морёный дуб...

Издали слышалась скороговорка бабки Анисьи:

— Подождут! Не торопись, бабы! Нашей же сестры в деревне, считай, второе против мужиков. Вот и знай себе цену — не торопись.

Вслед за женщинами не без опаски, приблизились и нашкодившие мальчишки. Бочком, бочком, беспокойно озираясь, подобрались они к изгороди, уселись рядом на прясло, как куры на насест. Отсюда им всех видно, а главное, сами на виду! Сперва сидели чинно, перешёптываясь, потом стали похикивать и толкаться.

Егор Костылёв хотел поддать плечом Сашку Зимина, а тот возьми и посторонись. Прوماхнувшийся Егор, хватаясь за воздух, кувырнулся вниз. Правда, успел зависнуть на подколенках.

— Тише вы, оглашенные! — шикнула на них бабка Анисья. — Вот как возьму хворостину...

Егор, уже успевший снова вскарабкаться на прясло, хотел огрызнуться, да не успел. Отворилась дверь, и к собравшимся вышел из бригадировой избы председатель колхоза Иван Викторович Болотов, а за ним и бригадир, дядя Митрофан.

Сдёрнув с лысой головы пропылённую кепку, председатель поздоровался с колхозниками, деловито огляделся.

— Приходится митинговать! — начал он с застенчивой улыбкой. — Есть у нас, понятно, правление, чтобы всякие вопросы решать, но есть и такие вопросы, что правлению не по зубам. Колхоз, известно, велик: под одной крышей не соберёшь. Решили с каждой бригадой посоветоваться отдельно.

Переглянулись и затихли мужчины. Затихли на завалинке женщины. Ребята и те приоткрыли на своем насесте. Всем интересно узнать, что за вопросы такие, которых не может решить правление.

— Пожар нас подковал на все четыре, — после паузы негромко продолжал Иван Викторович. — Мне теперь в район хоть глаз не кажи. Всякий

ткнёт пальцем и всякий скажет: «Это тот самый председатель, у которого хлеб на корню горел!»

— Да-а, — потупились мужчины на срубе. — Опозорились, дальше некуда. Это ж пятно...

— На всех, что ли, пятно? — выкрикнула Матрёна Костылёва. — Какой-то пьяница или ротозей не остерегся, так мы то при чём? Найти б его, шельму...

— В том-то и дело, что нашли! — обрушил новость председатель.

— Нашли-и?! — разом выдохнул сход.

— Так кто ж это?

— Не теми, Иван Викторович!

Председатель нахмурился и, выждав тишины, заговорил отрывисто и трудно:

— Если бы пьяница!.. Руби, говорит, голову — виноват! Весь трясётся, одно твердит: не оставь детишек!

— Кто это?

— Здешний, что ли?

— Пускай расскажет сходу! — раздались голоса.

— Не здешний. Из Бородулина. Клешнёва знаете?

— Плотника, что ли?

— Андрея?

— Быть не может...

— Может! — сердито рубанул рукой председатель. — Он и сам не поверил бы, кабы не улыки.

Сход затих. Новость словно придавила людей. Недоумевали, хмурились, чесали в раздумье затылки. То всем не терпелось узнать правду, а теперь

ей никто не рад. Даже вроде совестно стало. Хоть и не своя беда, да, видно, не такая уж она и чужая, если каждому легла на плечи тяжестью.

Затянулось молчание. Всем было неловко. Но никто не осмеливался нарушить его первым. Наконец встал со сруба дед Михась, тощий, опалённый солнцем. Тронул тёмной рукой свою серебряную бороду, заговорил веско, солидно:

— Любопытствовать в таком деле зазорно, слов нет. А всё ж таки разъясни сходу,

Иван Викторович, как это могло приключиться с Андреем? Ведь мужчина самостоятельный, уважаемый...

— Разъясню! — кивнул председатель. — Только и само, признаться, никак в толк не возьму. Ходил он в Горяны к свату. Ну, выпили по чарке — помянули покойную Андрееву хозяйку. Пока то да сё, уж и свечерело. Пошёл по холодку в свою деревню. Дорогой его бородулинские парни нагнали — Борис и Стёпка, он ещё у них огонька попросил. Те да-

ли прикурить и укатили на велосипедах. А Клешнёв приотстал. Известно, пеший. Шёл, шёл, да и притомился, присел на край дороги. О чём он там думал, и сам теперь не может припомнить...

— Известно! — отозвалась с завалинки Васькина мать.

— Откуда известно? — удивился председатель.

— А об чём же ему ещё думать, как не об ребятах? У человека ведь трое на руках!

Верно!

— Правильные Дарьины слова! — подтвердили женщины.

Надо ж, какое совпадение! Ведь Сашка тогда, на дороге, тоже про плотниковых ребят подумал. И сейчас они у него из головы не идут. Младших, положим, он и не знает, только Тимку. Так что из того? Всё равно думается. Да и Сашка в этой истории человек не посторонний. Это ж он рассказал следовательно, кого встретил на дороге!

— А дальше-то как же? Ну, присел человек отдохнуть, а дальше? — настаивал дядя Лаврент.

— А дальше встал и пошёл, некогда ему особенно расслаживаться, — продолжал председатель. — С километр полевой дорожкой, а там леском — и в свою деревню. Утречком, чуть рассвело, подоил корову, повёл на выгон к пастуху. Тут его и оглушили соседки страшной новостью. Уже прослышали про пожар! Видеть-то, понятно, не могли, потому что Бородушкино за леском.

Покалякал он с женщинами, поудивлялся, да ведь некогда человеку — на работу надо. Дома перекусил наскоро, разбудил старшего мальчонку и — за калитку со своим топором.

Андрею ничего плохого и в голову не шло. Одно странным показалось, почему сам не заметил. Ведь шёл по этой дороге близко к полночи. Должно быть, позже загорелось, подумал. Может, от машины проезжей или от мотоцикла.

День отработал, явился ужинать. Тимка у него за хозяйку, старшой. Ставит на стол свое варево, на младших покрикивает, чтоб у отца под ногами не путались. Глянул Андрей на эту «хозяйку», и слёзы навернулись. Откусил хлеба, хлебнул Тимкиных щей, а не проглотить, застряли! Не потому, что плохие — от жалости.

Кто-то стукнул в дверь, входит незнакомый. То да сё. Мол, не видал ли на дороге чего подозрительного, когда домой шёл ночью? И развёртывает закоптелый окурок.

Тут Андрея и осенило! Вспомнил, как сидел у дороги, как курил. А вот куда подевал окурочек — из головы вон... Бросил ложку, вскочил, чтоб поближе к лампочке. Как глянул на тот окурочек, так и обмер.

«Мой! — говорит. — Ничей больше! И бугорок на мундштуке... В аккурат пломба выкрошилась».

Следователь написал свою бумагу, Андрей в ней расписался, а сам сквозь ночь ко

мне, — закончил председа-
тель. — Вот и судите. Теперь
вы знаете всё.

Нахмурились люди. Мужчи-
ны сигарками затягиваются.
Кое-кто из женщин украдкой
слезу смахивает — плотнико-
вых ребят жалеют. Мальчишек
и тех не слышать. Надулись,
думают что-то каждый про
себя. Егор уж на что развесё-
лый человек, а и того, видать,
проняло.

— Надо что-то решать, —
напомнил председатель. — Не
ночевать же тут. Никак это ты,
Матвеевна, сказала, что за од-
ного ротозея не могут отвечать
все?

— Я, — глухо отозвалась
тётка Матрёна.

— Ну вот и рассуди. Теперь
мы его знаем.

Тётка Матрёна встала с за-
валинки, запахнула платок:

— Дело-то общее. Ведь
рожь на том поле не только
моя. Поискать, так поумнее
меня и пограмотнее судьи най-
дутся. Вон они помалкивают,
папиросным дымом укутались.
Их бы спервоначалу и послу-
шать. Но раз уж ты, Иван
Викторович, меня поднял, то
скажу. Хоть и болтают про
Матрёну Костылёву, что люта,
мол, и горласта, да этим не всё
сказано. У Матрёны худо-бед-
но ещё и совесть не перевелась!
Считай так: вдарим мы по Ан-
дрею и в аккурат по детишкам
его попадём. А разве ж они за
отца ответчики? Тут и весь мой
тебе сказ, председатель.

— Истинные слова! — по-
хвалил дед Михась. — Как по
книжке мою думку вычитала!

— И ~~мого!~~ — кивнул Вась-
кин отец.

— Да чего там! Видать, мы
все одинаково подумали, пото-
му что люди же, — заключил
дядя Лаврен. — Не пообедем
через ту пропащину. Однако
неясно, как горю помочь. Ведь
не зачеркнёшь, что было. Со-
ветуй, председатель, ты в за-
конном деле пограмотней. Что
мы можем?

Он иного мнения и не ждал,
председатель Иван Болотов.
Сам вырос среди этих людей,
вместе с ними испытал и лиха,
и радостей. Твёрдо знал, что
по пустякам могут и поспорить,
и пошуметь, и словцом друг
дружку кольнуть, как шилом.
Но случись с кем беда, встанут
против неё плотной стеной.

— Кое-что можем, — ожи-
вился председатель. — Совсем-
то не зачеркнуть — это верно.
Зато в наших силах похлопо-
тать, чтоб на Клешнёва начёт
сделали. Ну, одним словом,
дать человеку возможность от-
работать ту часть убытка, ка-
кая по закону положена. При
его Заработках это посильно.
И года не пройдёт — рассчи-
тается.

— Вот и хлопочи! — заклю-
чил дядя Лаврен. — Если там
в свидетели или куда, так мы
всей деревней. Верно я гово-
рю?

— Верно!

— Правильно! — загомони-
ли колхозники.

— Всей деревней! — заорал
на прясле ликующий Егор Ко-
стылёв и поддал плечом спер-
ва Сашку Зимина, потом Вась-
ку.

АЙДА В СТРОИТЕЛИ!

Казалось, можно и по домам, раз пришли к общему согласию. Но председатель не торопился к своей «Волге». Стоял у сруба, что-то негромко говорил бригадиру, время от времени поглядывая на колхозников.

— Всё, что ли? — напомнил дед Михась.

— Э, нет! — улыбнулся Иван Викторович. — Редко собираемся, так уж потерпите. Есть у нас мысль — все деревни колхоза телефоном связать. Дело нужное, но обойдётся в копейку. Вы как?

— А на кой он? Разве что гостей приглашать из чужих деревень, — не без ехидства заметила бабка Анисья.

— Ну не скажи! — ввязался бригадир. — Без телефона ж как без рук.

— Вот ты себе и проводи, а нам ни к чему.

— Как это ни к чему? — вскинул бороду старый Михась. — Или нам пожар не наука? Окрестные деревни сны смотрели, а мы против огня, считай, один на один с косой да лопатой. Где же была колхозная техника? То-то и оно, что на главной усадьбе! Пока мой вестовой на жеребце скакал, да пока они там собирались, на пожаре уж и шабаш. А будь у нас телефон?..

Егор Костылёв картинно выпрямился перед дружками. Это ведь он скакал тогда на Касатике с наказом деда Михасы «коня на жалеть, и сей момент поднимать всех, от старого до

малого». Егор и не жалел. Пока доскакал, гнедой Касатик был весь в мыле, как в сметане.

Выслушав веское нравоучение деда Михасы, даже бабка Анисья уразумела, что телефон нужен не для забавы. А остальные и подавно. Но сход опять не закончился. Оказалось, у председателя ещё не всё.

— Надо решить, как быть с колхозным садом, — словно чего-то стыдясь, повёл он речь. — Сад большой, сад молодой. Даже соседние колхозы завидуют. Но если по правде, так нам от него дохода, как от полыни сладости. Хоть вырубай! А почему так?

— Хозяева липовые! — впрямую заявил Илья Воронов.

— Правильно! Не ухожен, не досмотрен. Не огорожен даже. И при всём том урожай дает неплохие. Значит, не только в этом собака зарыта. Главное, пожалуй, в другом. Вот вы мне скажите, когда хороший хозяин везёт свои яблоки на базар?

— Известно, зимой, — ответил Воронов. — После Нового года они всегда в цене...

— Ага, зимой! А колхоз продаёт заготовителям на корню. Потому и цена не та.

Илья Воронов развёл руками и ехидно хмыкнул себе в бороду:

— Вольно ж вам! Если без ума, то можно и совсем задарма...

— Илья ты! Слипками заговоришь! — не вытерпел дядя

Лаврен. — А где прикажешь хранить? За пазухой, что ли? Они ж мороза боятся, яблочки.

— Это уж не моя забота, — сощурился Илья.

— А чья?..

Чего опасались, того и дождались! Каждый знал, что раз уж начался спор между хромым Лавреном и бородатым Ильёй, он перейдёт в настоящее сражение и не скоро кончится. Лаврен в таких случаях вскипал, будто на огне, и бил своего противника как бы длинными очередями. А Илья, словно бы из укрытия, хладнокровно отвечал ему одиночными, тщательно целясь.

Охотников поскалить зубы всегда было предостаточно. Один словцо вставит к месту, другой выразительно подмигнёт — и спорщики уже не в силах остановиться.

На этот раз противники не успели войти в раж — помешал председатель.

— Лаврен в корень смотрит! — веско заявил он. — Без хранилища сад **вам** дохода не даст. Придётся строить, и незамедлительно. На ранние сорта по нынешнему лету надеяться не приходится, да и **мало** их, ранних. Зато поздние будут хороши. Вот мы и **придержим** свою

антоновку до зимы. Про бazarную цену я уж не говорю. Хватит нам и государственной, как в магазине. Все дело в том, что сами снимем и сохраним ещё получше заготовителей. Выходит, Воронов тоже в корень смотрел. Ты как считаешь, бригадир?

Дядя Митрофан, понятно, сразу смекнул, какую выгоду даст хранилище. Но и о другом успел подумать.

— Оно бы надо, — уклончиво начал он. — А только чьими руками строить? Жатва-то вот она, на носу! Где ж я людей возьму, чтоб и на уборку, и на строительство?

— А ты поищи! Чай не дворец возводить. Трактор в ка-

кую-нибудь неделю котлован выкопает, а там подошлём плотника, хоть того же Андрея из Бородулина — вот тебе и крыша. Древесина в своём лесу растёт. Чего же ещё?

Бригадир прикинул в уме и решил, что Иван Викторович говорит не на полном серьёзе.

— Трактор да плотник сделают тебе хранилище разве что к будущей весне, — усмехнулся он. — Вот если бы Андрею в помощь да хоть пяток пар рук...

— Возьми десять, кто тебе не даёт? — удивился председатель.

— Возьми! А где они, руки?

— Найдутся. Надо только поискать.

Озадаченный бригадир обвёл глазами сход, потом резко повернулся к председателю:

— На пенсионеров намекаешь? Они уж и так сделали свое уважение, обещали выйти в страду. А деда Михася с бабкой Маланьей я и просить не посмел.

— Правильно не посмел, — кивнул Иван Викторович.

Никто и не заметил, как Сашка повернулся на прясле к Егору и что-то зашептал ему в ухо. Широкое, веснушчатое Егорово лицо тут же преобразилось, озарённое вдохновением.

— Дядя Митрофан, а мы? Вот же руки! — воскликнул сияющий Егор и выкинул перед собой ладони. Потеряв равновесие, он качнулся, но тут же был подхвачен Сашкой.

— Верно! — оживились мальчишки. — Айда в строите-

ли! Всех пиши, дядя Митрофан! Ура Егору Костылёву!

Председатель одобрительно кивнул развеселившейся вольнице и хитро подмигнул бригадиру:

— Нашлись? Гляди, какая гвардия! Вот и не зевай. Пока ещё нет котлована, отправляй в лес на заготовку. А дедушку Михася попросим указать, где, что и как рубить. Вам не будет в тягость, дедушка?

— Укажу. Какой может быть разговор!

ПАКЕТЫ В ПРОМАСЛЕННОЙ БУМАГЕ

И когда все вопросы уже были обговорены, Иван Викторович подозвал своего шофёра, что-то ему сказал. Женщины поднялись с завалинки, зашевелились на срубе мужчины.

— Одну минутку! — поднял руку председатель. — Правление поручило мне выдать премии.

— Какие премии?

— За что?

— Кому?

Тем временем Митя-шофёр достал из багажника «Волги» два пакета в промасленной бумаге, положил на угол сруба. Мальчишки так и прилипли к ним глазами, гадая, что там может быть, в пакетах.

— Кому? — переспросил Иван Викторович. — И ответил: — На этот раз младшим колхозным механизаторам. Мы их не учили, не готовили, признать, даже и в голове не

держали. А в трудную минуту у нас, как из-под земли, два шофёра. Пускай без прав, пускай самоучки, а всё же водители! Вот за эту их любознательность правление и решило наградить. Подходи, орлы, получай премии! — повернулся он к мальчишкам.

Те, как горох, посыпались с прясла. Всея ватагой повалили к срубу, выталкивая вперёд Ваську и Сашку.

— Скорей! Плетутся, как неживые! — торопил Егор, сгорая от нетерпения.

Васька первым принял из рук председателя свой пакет, сказал спасибо. Вслед за ним — Сашка.

— Тяжёлый! — удивился Васька.

— Железное что-то, — подтвердил Сашка.

— Разворачивай! — не утерпел Егор и ухватился за обёртку.

Занурившаяся промасленная бумага, ключьями полетела под ноги. И перед глазами сюда предстали два велосипедных мотора. Новенькие, покрытые липучей смазкой!

— Ух ты! — выдохнул ошеломленный Колька Карасёв. — Дашь прокатиться, Зима?

— Чур, я первый! — загремел сияющий Егор и растянул рот от уха до уха.

ПО ЗАСЛУГАМ И ЧЕСТЬ

Ночью разразилась гроза. Егор на своём сеновале что-то слышал сквозь сон, но не проснулся: очень уж сладко пахло

под головой хрусткое сено, а слипшиеся ресницы так отяжелели, что не поднять.

Утром его растолкала мать:

— Вставай! На дворе день давно.

Егор продрал глаза, потянулся и «юзом» съехал на землю, распугав кур и цыплят.

— Никак дождик прошёл! — удивился он, выглядывая за ворота и шурясь от бьющего в глаза солнца.

— Дождик, сынок, дождик! — Гляди-ка, сколько налил.

Всё кругом блестело и свёркало: листья на деревьях, трава под ногами, яблоки и сливы на ветках и на земле, сорванные ночным ветром. С вымытого шифера крыши ещё скапывались редкие капли, звонко падали в переполненный ушат. Егор посмотрелся в него, как в зеркало, зачерпнул полные пригоршни и утопил в них лицо. Фыркнул — и ещё, ещё! Потому что стыдно ему быть немытым, когда кругом такое чистое, такое ясное утро.

Пока мылся, склонившись над ушатом, кто-то его мягко толкнул в спину. Оглянулся, а это Дора! Пыхтит, шевелит мохнатыми ушами и тоже тянется к воде.

— Ах ты, коровище! — почесал ей за ухом Егор. — Ну, попей да собирайся на выгон.

Выбрался он с Дорой за калитку, а на улице уже полно народу. В одну сторону мальчишки с коровами бредут, в другую — мужчины и женщины на работу. Идут, шутками перебрасываются. Повеселели!

Завидев впереди Сашку с коровой, Егор дал Доре звонкого шлепка, чтоб прибавила шагу, а сам побежал вдогонку по лужам, радуясь, что настал момент отыграться.

— Привет! — хлопнул он Сашку по спине. — Ты, видать, загордился с премии. Даже про долги забыл.

— Как это забыл? — насмешливо спросил Сашка. — Придёт время — все четыре рейса требую.

— А чего ж не требуешь?

— Куда торопиться? Разве ж теперь вода в цене? Вон её сколько под ногами! — окинул Сашка глазами улицу. — Выходит, надо повременить, пока опять сушь начнётся. А не начнётся — до будущего лета потерпим. Нам ведь не к спеху. Правда?

Егор заморгал глазами, чувствуя, что отыграться ему не удалось. Этот хитрющий Зима опять как-то выкрутился и вышел из воды сухой.

— Шут с ними, с рейсами! — примирительно сказал Егор. — Главное, что небесная канцелярия этим дождём руки развязала. Мы теперь в лес — и поминай как звали. Сами себе начальники!

— А дед Михась? — напомнил Сашка.

— Ха! Он же только для счёту. Дед уж и не видит ни черта — больно стар.

В этих своих неуважительных словах час спустя Егор уже горько раскаивался. Когда лесорубы с пилами и топорами ввалились всей ватагой к деду Михасю под поветь, он

учинил им настоящий смотр. Первым делом приказал всем сбегать обуться и надеть кепки или картузы — от комаров. А потом стал дотошно осматривать инструмент.

Сашка смело протянул свой топор.

— А пила где? — не глядя спросил Михась.

— Егор покажет. На двоих у нас.

Дед взялся одной рукой за конец топорика, а другой за обух. Пошатал, проверяя, хороша ли насадка, молча провёл обкуренным ногтём по отточенному жалу и, слова не говоря, воткнул топор в сосновую колоду. Легонько взмахнул, словно играючи, а лезвие вошло в древесину пальца на два! Лишь после этого дед взглянул на Сашку, стоявшего навытяжку, как солдат перед генералом, и показал кивком: отходи, мол, в сторону.

Вразвалку приблизился Егор с поперечной пилой под мышкой и топором в руке.

— Штаны подтяни! — ткнул его пальцем в живот старый Михась и принял из Егоровых рук инструмент.

Установив пилу на ребро, он прижмурил глаз, а другим прицелился вдоль зубьев. Потом чуть тронул мякишем пальца один зуб, другой. Опустил пилу и сердито повернулся к Егору. На топор даже не взглянул.

— Ты чей сын? — спросил. — Крестьянский или чей?

— Крестьянский, — поспешил Егор задобрить деда.

— Врёшь! Крестьянский не перепутает пилу с граблями, а топор с молотильным цепом. Разве ж это струмент для работы?

Посрамлённый Егор отошёл, не смея поднять глаз, а его место заступил Павлик Шумаев по прозвищу Одуванчик. Ма-

ленький, тихий, волосы светлые, а брови, ресницы и глаза чёрные. Возле носа с десяток веснушек раскидано. Подал деду пилу и два топора, вскинул брови, ждёт.

Михась на Павлика и не взглянул, инструментом занялся. Проверил топоры, воткнул в ряд с Сашкиным, приступил к осмотру пилы. Щелкнул по её полотну, послушал звон,

зубья потрогал, поцелился, прижмутив глаз, и спрашивает:

— Сам точил?

— Сам. Трёхгранным напильником.

— А разводил?

— И разводил.

— Топоры тоже?

— Топоры вдвоём с братишкой, с напарником. Сперва на точиле, потом уж я на оселке доводил.

— А где ж напарник?

Из толпы вышел Кирилл Шумаев. Точь-в-точь похожий на Одуванчика, только поменьше, лишь в четвёртый перешёл. Встал рядом с братом и тоже поднял брови.

— Вот! — уважительно провозгласил дед Михась, указывая на Павлика. — Этот человек будет среди вас за старшего, потому как имеет настоящее понятие. Струмент предъявляйте ему. Если поточить или зубья развести, так тут есть чем, — кивнул он в угол, где стоял верстак, такой же старый, как дед Михась, и такой же, как хозяин, крепкий.

Что и говорить, назначения Павлика на такую высокую должность никто не ждал. Но никого это и не обидело. Сразу посыпались шуточки.

— Не скупись, Одуванчик, пиши в ударники! — высунулся из толпы Егор, уже позабывший нравоучение деда Михася.

— И меня. Не пожалейшь! — заверил Васька.

— Возьмёшь своим личным шофёром? — спросил Сашка

Зимин. — Не пешком же тебе ходить.

Пока точили пилы, разводили зубья, расклинивали топоры, шутики на Одуванчика сыпались как из мешка. Один Колька Карасёв почему-то молчал, словно у него зубы болели. А когда Павлик забраковал Колькин топор, он и взвился:

— Тоже мне знаток! Профессор кислых щей!..

— Задаётся? — с ходу вмешался Сашка.

— А то нет? Если всякий начнёт въедаться...

— Надо осадить, — на полном серьёзе посоветовал Сашка. — Айда к деду Михасю, пускай рассудит.

— Айда! — подхватил Васька. — Дед потачки не даст.

Но Колька не клюнул на приманку. Молча повёл зеленатыми, как у кошки, глазами и отвернулся. Лишь румянец на щеках да желваки на скулах выдали его злость.

ЛЕСНАЯ ХИРУРГИЯ

Когда пришли в лес, там было ещё сыровато. Зато дух стоял до того вкусный, что лесорубы разом зажмурили глаза и шумно заработали носами...

У притаившихся среди листьев птиц вскоре иссякло терпение. Они зашевелились, обрушивая с ветвей маленькие водопады росы, начали осторожно посвистывать и перелетать.

Где-то невдалеке зацокала белка. Ей ответила вторая. И

началось! То на одном дереве, то на другом вдруг припадёт упругая ветка, потом выпрямится и выстрелит в воздух рыжеватым пушистым облачком, как из рогатки.

В несколько гигантских прыжков любопытные зверьки оказались над шумной ватагой пришельцев. Насторожились, начали буравить людей с высоты чёрными горошинками глаз, должно быть сочувствуя, что те, такие неуклюжие, такие все неотлично одинаковые, уныло толпятся на земле.

Их и впрямь было трудно различить, людей. Ведь все в эту минуту — от четвероклассника Кирилла Шумаева до заиндевелого старца Михася — были похожи. Каждый онемел и смотрел снизу на белок, переполненный удивлением и детской радостью.

Беличье любопытство оказалось короче людского. Им быстро наскучила игра в гляделки и захотелось свежих впечатлений. Разом что-то процокав, они прыгнули вниз и, подброшенные ветками, взвились в воздух, как с трамплина.

— До чего ловкий зверь! — с восхищением произнёс дед Михась и сел на пень, растирая рукой поясницу.

— Болит? — участливо спросил Егор.

— Ломит, будь она неладна! Должно, от сырости.

— Вам бы на песочек, душка. На горяченький, — посоветовал Егор. — А что?.. Идите к речке, мы и сами тут, в лесу. Рубить дело нехитрое.

Дед Михась усмехнулся и смерил Егора неодобрительным взглядом.

— Нехитрое, говоришь? Ну, не скажи! Посадить дерево ещё куда ни шло, хоть тоже не просто. А чтоб срубить — это, брат, высокая наука. Вон стоит ёлочка, сколько ей, по-вашему, годков? — глянул дед вприщур на мальчишек.

Те пожали плечами.

— Ваша, примерно, ровесница, — продолжал дед Михась. — Столько лет росла, а глядеть не на что. Правда? Пока она бревном станет, большие годы пройдут.

— А ваша ровесница которая? — заинтересовался Сашка.

— Моя — вон та, — уважительно показал дед на толстую ель с замшелым стволом и тяжёлыми свисающими лапами. — Что, постройнее меня ровесница? То-то и оно! А ведь было время, когда топор мог её одним ударом повалить. Мог, да не повалил! Видать, хорошие руки тот топор держали. Оттого мы сейчас и любимся сбережённым деревом. А после нас другие полюбятся, которые народятся.

— Выходит, и рубить нельзя? Жалко же! — сорвалось у Васьки с языка.

— Жалко — это верно, потому что живое, — кивнул Михась. — А рубить надо. Не сплошняком, понятно, а с выбором. Как, к примеру, доктор операцию делает? Он ведь больное убирает, то, что мешает здоровому. Вот и мы

так. Считайте, не рубить пришли, а на помощь лесу. Струмент у нас, правда, не докторский, однако тоже подходящий.

Дед Михась развязал заплечную торбу, достал топор. Небольшой, изрядно уже сточенный, на отполированном ладонями рябиновом топориче.

— Раз уж мне такое сурьёзное дело доверено, то послушания не потерплю. Твёрдо запомните! — сурово предупредил он и вынул из кармана какую-то железку. — Рубить лишь те деревья, которые будут вот этим знаком помечены.

Присев на колено, он теснул пень, потом приставил железку и легонько ударил обухом. На свежем затёсе отпечаталась буква «К».

— Расписался! — шепнул Егор. — «К» — значит, Куроплепов. Дедова фамилия.

Закинув на плечо торбу, дед оглянулся на свою артель, командовал:

— Айда за мной к болоту! Начнём с осинника.

— И осинник рубить? — удивился Егор. — А на кой он?

— Осинник-то? — переспросил Михась. — Сурьёзный вопрос. Вы как считаете, хлопцы: может, в нашем деле она без надобности, осина?

Озадачил дед. Всем ясно, что неспроста он об этом спросил, а как ответить?

Сашка Зимин начал рыться в своей быстрой памяти; где он видел осину в деле? Но припомнились одни лишь дрова,

да и те никудышные. Сосна — да. Ель — да. Берёзовые поделки бывают, например телега. А осина?

Братья Шумаевы вопросительно посмотрели друг на друга. Им-то уж нельзя не знать: Павлик назначен старшим, а Кирилл — его родной брат! Тоже вроде должности. Павлик пораскинул умом. На что оно похоже, будущее хранилище? Яма, а над ней крыша. Так это же погреб, только большой.

— Должна сгодиться, — с некоторым сомнением заявил Павлик. — Погреба всегда обставляют осиновыми пластинами.

— Во! В корень глянул! — похвалил дед Михась. — Тут нам в аккурат осина и сгодится. Слабое дерево, зато дешёвое и супротив сырости устойчивое. Загляните в колодец — и бесприменно увидите осиновый сруб. Выходит, вы не ошиблись, когда Павлушку признали над собой старшим. Смышлёный хлопец!

— Так у него ж батька в плотниках. Что удивительно-го? — не стерпел Колька Карасёв.

— Вот и славно! Выходит, ушами не хлопал и сумел перенять.

Первое дерево в показательном порядке валили братья Шумаевы. Павлик, задрав голову, обошёл вокруг заклеимённой дедом осины, скользнул глазами по стволу. Потом деловито поплевал на ладони, размахнулся и косо вонзил топор, примерно на уровне коле-

на. Отвернул подрубленную древесину и новым ударом, чуть пониже, начисто её срезал. На траву брызнули щепки, в ствол въелась глубокая зарубка.

— Стой! — приказал дед Михась. — Почему решил делать надруб с этого бока, а не с того?

— Так она к этому боку вроде чуть нависла, осина. Валить же будет легче.

— Правильно. Спервоначала надо знать, куда валить.

Присев на колено, Одуванчик изрядно углубил надруб и кивнул брату. Тот подбежал с пилой и тоже припал на колено. Пилить начали с противоположной стороны — навстречу надрубам.

Наточенная, хорошо разведённая пила вошла в сочную древесину, как в масло. Поначалу она въедалась на добрый палец за каждый протяг, потом дело пошло медленнее. Рубашка у Кирилла на плечах потемнела от пота и прилипла. Но он — ноль внимания: отпустит пилу да как рванёт на себя, будто хочет отнять у брата. Осина пока ещё стоит, словно в недоумении. Лёгкий ветерок перебирает её чуткую листву, а на траве растут два конуса мягких, как снег, опилок.

— Стой! В самый раз будет, — объявил наконец Одуванчик, и Кирилл тут же выхватил звонкую, разогретую пилу.

Дед Михась наклонился, проверил.

— Дельно! — похвалил он работу. — А зачем не до конца спилили?

Павлик пожал плечами и покраснел.

— Не знаю! Всегда так делают. — И, подумав, прибавил, уже увереннее: — Иначе опасно. Если совсем перепилить, дерево может в любую сторону повалиться. Не поймёшь, куда и отбегать.

«Башковитый, не гляди, что

мал!» — удивился дед Михась и потеплевшими глазами оглядел своих лесорубов. Нет, не зря он принял команду над этой вольницей: смыслённые парнишки и к настоящей работе тянутся. Почему-то вспомнилось ему и своё детство. «Если посмотреть на этих хлопчиков из той далёкой поры, не иначе примешь их за чужестранцев, — подумал дед. — Грамотные! Одежа,

обувка на любом, какие нам и не снились. Их уж и трактором не удивишь или комбайном. А чем удивить, и не придумаешь. Разве что сохой. Совсем другие люди! Но если приглядеться, — вроде те же самые. По тому, как держат в руках топор, какими глазами на белый свет глядят, сразу признаешь: крестьянской кости ребята».

Оглянувшись для верности, чуть посторонив не на месте стоявшего Кольку Карасёва, дед Михась повелел валить.

И разом кинулись к стволу братья Шумаевы. Упёрлись ладонями, покраснели от натуги, а осина стоит. Тут подоспели Сашка с Васькой, за ними — Егор. Этому уж и руки приложить некуда. Однако нашлось место, — придавил ладонями растопыренные пальцы Кирилла, да как нажал! Некогда ему выбирать...

— Пошла-а-а! — завопил а лесная артель, и вальщики тут же отпрянули от ствола, раступились на две стороны.

Зашумели ветви, хрустнули сучья, цепляясь за соседние кроны. Глухо ухнула и легла на землю спиленная осина, трепеща листьями, словно жалясь. И никак не верилось, что маленькие, тихие братья Шумаевы смогли уложить такого великана. Они и сами смотрели в две пары чёрных удивлённых глаз на поверженное дерево, на свежий пенёк.

Не для красного словца сказал старый Михась, что рубить надо с выбором. Он уж выби-

рал так выбирал! Залезал в самую глухомань, где деревья стояли густо, в тесноте, как бы отталкивая друг друга и в схватке за солнце, за землю, на которой растут, переплетались сучьями. Подолгу стоял дед, задрав голову, прикидывая и то, какое дерево можно рубить без ущерба, и то, на что оно может сгодиться: на стойку ли, на стропило или просто на жердь для обрешётки крыши под шифер.

Уловив суть дела, мальчишки тоже стали выбирать деревья для рубки, а которые побойчее, начали даже советовать деду. Случалось, он соглашался и, сделав топором затёс, ставил своё клеймо. А если был не согласен, обязательно растолковывал:

— Эту елочку покамест пожалею. Сейчас она всего жердь, а может настоящим деревом стать, потому как с полуденной стороны ловит макушкой какое-никакое солнышко. Да и других сестёр особенно не расталкивает...

Для балок перекрытия надо было срубить несколько старых деревьев. Осина, берёза, ольха тут, понятно, не годились. И вот братья Шумаевы облюбовали сосну. Высоченную, с гладким стволом и раздвоенной макушкой. Росла она, правда, не в тесноте, другим деревьям не мешала, но Одуванчик углядел, что один сук на её вершине уже совсем усох, а на трёх соседних иглы сплошь пожелтели.

Сосна и в самом деле годилась на балку: прямая, доста-

точной толщины. А то, что начала усыхать, так и подбивало деда вынести ей смертный приговор. Но он не торопился, продолжая разглядывать высокую крону, которая, по мальчишечьим понятиям, не имела никакого значения.

— Годится! — согласился, наконец, Михась. — Только сдаётся мне, будто на ней чья-то квартира имеется. Навостритесь-ка вон туда, где макушка надвое делится.

Сашка прищурился, так и впился глазами в указанное место. Верно! В самой расщелине прятался какой-то странный глазок. Чёрный, продолговатый, а кора вокруг словно оглажена.

— Похоже! Надо проверить, — загорелся Сашка, готовый уже лезть на сосну, чтобы убедиться.

Но этого не понадобилось. Из чёрного окошка высунулась чья-то клювастая голова, за ней — пёстрое туловище.

— Дятел! — узнали лесорубы. — Какой хитрый!

Дятел посмотрел на них, потом пробежался вверх по раз-

вилине, перевернулся головой вниз — и тем же порядком обратно. Нырнул в окошко — и нет его.

— Не иначе, детей вывел. Полезная птица! — заметил дед Михась и вопросительно посмотрел на свою артель. — Как, хлопцы, порушим его дом или пускай живёт?

— Пускай!

— Не сошелся же свет клином на этой сосне!

— Может, он её вылечит. Доктор ведь лесной...

Вынесли мальчишки своё решение и не нарадуются. Вон, оказывается, какая у них власть: могут казнить и миловать! А если бы дед не доглядел? Дятел ведь не скажет и объявления не вывесит, что, мол, тут у него дети в гнезде. Выходит, сам гляди в оба, сперва семь раз отмерь, а то наломаешь...

И то, что не «наломали», что дятел даже не знает, какое тут свершилось доброе дело, взволновало лесорубов. Об этом не хотелось говорить, а думать почему-то хотелось.

(Продолжение следует)

Справа было маленькое озерцо, слева — Охотское море. Мы остановились между озерцом и морем — у самой сторожки.

Двое в высоких болотных сапогах и телогрейках подошли к нашему вездеходу. И, как всегда, в местах, забытых богом, в местах, где незнакомые встречаются, чтобы расстаться друзьями, — завязался приятельский разговор. Вскоре мы уже знали, что Глеб Семёнович и Витя, так их звали, всё лето обслуживали насосы по перекачке пресной воды из озера в танкерок, который за тем и приходил сюда. Заправившись, танкерок убегал опять в море, где его ждали большие суда-краболовы. Поэтому и озерцо это называлось Озером краболовов. Не на всякой карте найдёшь его голубое пятнышко, но все, кто промышляет рыбу и крабов у западных берегов Камчатки, знают о его существовании.

Работа Глеба Семёновича и Вити подошла к концу, и они собирались домой. Именно их дождался сейчас танкерок. Нехитрое барахлишко давным-давно было

на судне и вот только какого-то Мефодия всё не было.

— И куда он запропастился, чёрт жирный?! — говорил Глеб Семёнович, оглядываясь по сторонам и потирая смуглой рукой загорелую шею. На руке я заметил наколку: большой синий якорь. Он был нарисован неумело, и тонкие две лапы его походили на рыболовные крючки. Под якорем, тоже коряво, было написано «Глеб».

— Вот гусь! Ждём его тут, как какого-то короля английского, а они изволят где-то прохлаждаться... — добавил Витя — здоровый детина с огромной кудрявой головой.

— Может, на охоту пошёл? — вмешался я. — Ружьё-то на месте?..

— Какое ружьё?! — замахав руками, закричал на меня Глеб Семёнович. — Это же чистокровный гусь!

Мы решили, что нам морочат голову, и Миша, водитель нашего вездехода, сказал:

— Ясно, что ничего не ясно. Сами вы, часом, не лапчатые ли?..

— Э-э!.. Однако брось, па-

ренъ!.. — сказал Глеб Семёнович. — Вишь ли какое дело. Мы тут завсегда собираем на болоте гусенят. Только они вылупятся — мы уж не зеваем. Приносим сюда и вот в этой клетушке выращиваем. На мясо. Всё равно на болоте лиса их таскает незнамо сколько. Только вот Мефодий для мясного дела не сгодился. Умное оказалось животное. Понятливое.

— Он у нас как член семьи был. Только что насосы не умел включать, — добавил Витя.

— Мы его в клетушке-то почти не держали. Жил с нами как вольная птица, — неизвестно к кому обращаясь, добавил Глеб Семёнович.

Пришлось поверить. Уж больно было заметно, что исчезновение странного гуся огорчало наших новых друзей.

— Ребята, — вступил в разговор начальник нашего отряда Юрий Степанович, прикуривая «беломорину» у Глеба Семёновича, — я понимаю вас, но, может, зря вы расстраиваетесь. Вся птица на крыле, и отлёт уже начался. Может, и его потянуло со всеми, если вы, конечно, не подрезали ему крылья...

— Вот ещё!.. — нахмурился Глеб Семёнович. — Такое животное портить. Да это... — и он не договорил: с танкера раздался свист. Оттуда отчаянно махали руками. Мол, сколько резину тянуть можно?

— Вот пристали, — пробурчал Глеб Семёнович, оглянувшись на свист, — не могли завтра приехать. Чтоб их там разорвало...

В конце концов делать было нечего. Наступил вечер. Витя и Глеб Семёнович показали нам, где лежат дрова с берёстой для растопки и, чертыхаясь, направились к танкеру. Нам не было слышно, но мы видели как они, поднявшись на борт, ругались с мотористами. Но когда танкерок качнулся, вырывая нос из песка, и медленно пошёл кормом в море, все махали руками, очевидно желая нам удачи. И мы тоже улыбались им и махали руками, потому что тем людям, уплывавшим от нас, тоже нужна была в жизни удача.

Миша, сложив ладони рупором, крикнул:

— Мы вам гуся в конверте пришлём! На деревню дедушке!..

Но морской ветер все сделал, чтобы эта глупая шутка не долетела до танкера.

Вечером в сторожке мы чувствовали себя как дома. Растопили печь, приготовили ужин. После ужина открыли дверь и дымом выкурили комаров, угревшись в тепле. Ведь они только и ждали того, когда мы уснём, чтобы не спеша всаживать в нас острые носы и накачиваться, насколько позволит комариное брюхо. Когда от дыма стало неважно даже нам, мы затаили вход марлей. Дверь оставили открытой.

Уже при свечах разглядели стены. Они были расписаны людьми, побывавшими в этой сторожке когда-то до нас. Чего тут только не было понаписано карандашами и чернилами!

«Отсюда до моего дома по прямой примерно 9250 километров и 600 метров, не считая пути от калятки до порога.

Боря Панюшев».

«Мы — геофизики отряда База нова пережидали здесь дождь. Лил восемь суток».

«Продуктов у нас на 20 дней, а пути нам от силы ещё 12, так что всё наше дело уже в шляпе.

Г. М. В. З. Ч. К.»

Были и стихи:

«Тем и дорога Камчатка,
Что на ней не очень сладко.

Таня Н.».

Читая надписи, мы представляли себе этих людей. Весёлых и серьёзных, по стечениям обстоятельств приходивших сюда обогреться и послушать, как гудит настоящая домашняя печь, попить чаёк и посмотреть в окно на то, что там творится с морем: каков накат и прилив или отлив в это время.

И нам тоже было очень приятно посмотреть отсюда — из домашнего тепла — туда, за окно. Посмотреть и не увидеть, а только догадаться по шуму, какие огромные валы, не устая, ворочало море.

Утром мы с Юрием Степановичем проснулись одновременно от какого-то странного разговора. Миша, который спал на единственной кровати, сейчас сидел, свесив босые ноги. Пальцами ног он выделял какую-то ножную гимнастику.

— Вот, полюбуйтесь, — сказал он, убирая со лба рыжую прядь и сонно почёсывая ухо. — Мефодий Двенадцатый собственной персоной. Свита, надо полагать, осталась на почтительном расстоянии за порогом.

Перед нами, переминаясь с лапы на лапу, горизонтально вытя-

нув шею, стоял обычный дикий гусь. Серый с белой грудью и животом. Именно к таким мы не раз, вымокая по уши, подкрадывались по-пластунски. Но чаще всего они оставляли в дураках и нас, и наши ружья.

Пришелец поворачивал свою узкую голову то в нашу сторону, то в сторону Миши, и чёрный глаз с оранжевым ободком вопросительно поблескивал. При этом гусь, не переставая, продолжал свой отрывистый монолог, и нотка осуждения, имевшая место в его речи, порядком нас озадачила. Почему-то мы вдруг почувствовали себя виноватыми перед ним.

— Вот те раз!.. — сказал Юрий Степанович.

— Похоже на правду, — сказал я.

— Ещё бы!.. — добавил Миша. — Их высочество час тому назад скрипучим голосом заявило о своём телесном существовании. Я ему сказал: «Гуля, погуляй немного — выспимся и отопрём тебе». Так нет, им неведомо было: разорвали марлю и впёрлись самым наглым образом. Ещё щипаться где-то научились. Как вы думаете, Юрий Степанович, по моему, это невоспитанный представитель крылатых.

— Мне пока трудно судить насколько наш гость или хозяин невоспитан, — ответил Юрий Степанович, — но твоя неучтивость очевидна во всей своей дремучести. Животное вполне логично выражает свои мысли: речь идёт, если тебе трудно догадаться, о пище. Это ясно как дважды один. А ты как думаешь? — обратился он ко мне.

— Насколько мне известно, — сказал я, вылезая из спального мешка, — эти звери щиплются чаще всего тогда, когда их забывают покормить.

Как выяснилось, никакими крупами нельзя было соблазнить Мефодия. Это был действительно гусь. Прямо неясно: где он рос? Но зато... кусочки хлебного мяки-

ша он заглатывал с неуклюжей поспешностью. И это несмотря на то достоинство, с которым он держался. Мише, конечно, приходилось уговаривать Мефодия не подавиться. Нам тоже приходилось уговаривать.

Наевшись, гусь направился к выходу. Надо заметить, что при этом он задержался лишь на секунточку, чтобы оставить на полу большую тёмную кляксу. Миша многозначительно посмотрел на меня, и я понял, что убрать её придётся мне.

Стоя в дверях, мы видели как Мефодий не спеша прохаживался около сторожки, щипал травку и гоготал. На сей раз миролюбиво.

Днём мы критически осмотрели Мефодия.

— Жирён лапчатый!.. — сказал Миша, прищутив на птицу свой зелёный глаз.

— Пожалуй, его место на сковородке... — сказал я.

В ответ Миша посмотрел на меня своими обоими зелёными так, что я предпочёл бы сам оказаться на сковородке, о которой только что заикнулся.

— Да... — сказал Юрий Степанович, — при такой полноте до юга ему не дотянуть.

— Может, его стоит поучить этому ремеслу?.. — спросил я.

— Это идея! — воскликнул Миша, и мы все трое направились к Мефодию учить его летать.

Поймали. Честно говоря, он от нас и не убегал. Юрий Степанович, как самый высокий, подкинул его над головой. Мефодий расправил крылья и, между прочим, полетел так, словно и не разучивался.

Когда гусь взмахнул крыльями, мы увидели: на нижней части левого крыла (если сравнить с самолётом, то в месте элерона) у Мефодия не было одного широкого

пера и крыло походило на расческу с выломанным зубом.

— Тяжело всё-таки летит, — сказал Миша, — со свистом... как бомба...

Описав два низких круга над озером и нашими головами, Мефодий сел недалеко.

— Надо продолжить тренировку, — сказал я, и мы опять пошли к нему.

На сей раз поймать оказалось не так-то просто. Мы порядком вспотели, гоняясь за ним. Уже хотели плюнуть и отказаться от своей затеи, но тут Мише удалось схватить Мефодия. Правда, при этом Миша упал на землю, как мешок с картошкой. Я бы такого во вратари не взял.

И снова Юрий Степанович подкинул гуся. Мефодий сделал два своих круга и сел уже на изрядном расстоянии от нас. Больше ловить его нам не хотелось.

На другой день мы проснулись сами. Не стовариваясь, выскочили из спальных мешков и бросились в три стороны от сторожки. Каждый на свой лад звал Мефодия. Поиски продолжались долго. Нашёл его Юрий Степанович. В траве у самой озёрной воды. Мы с Мишей, направляясь к Юрию Степановичу, услышали:

— Эх, Мефодий, Мефодий!.. До чего же, оказывается, ты обидчивый. Люди тебя летать взяли учиться — доброму делу, а ты... взял и надулся. Разве так можно? Пошли. Завтракать пора.

— Для твоей же пользы... — добавил Миша, когда мы подошли.

— Больше мы этого делать не будем, — уточнил я, автор идеи полётов. Но Мефодий отворачивал голову и приглушённо-скрипучим голосом поругивал нас.

— Честное слово, Мефодий, больше не будем. Ведь так, ребята? — спросил Юрий Степанович.

— Чтoб мой вездеход не завёлся!.. — сказал Миша.

— Ну уж такие клятвы ни к чему, — строго сказал Юрий Степанович. — Этого нам только не хва-

тало. И так он заводится по настроению.

И что вы думете? Мефодий пошёл. Прав был Глеб Семёнович, называя Мефодия понятливым животным.

По тому, как тяжело и торопливо он семенил, мы поняли, что ему неприятно идти сзади. Мы любезно пропустили его вперёд. Возглавив шествие, он стал представлять свои лапы не спеша — шёл торжественно, как знаменосец.

Так гуськом и пришли мы все к сторожке: впереди нашего геологического отряда, словно он и есть начальник, — Мефодий, в затылок ему — Юрий Степанович, за ним следовал Миша, а я — за Мишей.

Вскоре хлебный мякиш помог нам установить с Мефодием прежние безоблачные отношения. Больше мы не пытались птицу учить летать.

По побережью нам надо было осмотреть несколько обнажений. Начались маршруты. В первый пеший поход мы рассчитывали пойти втроём, но неожиданно к нам присоединился Мефодий. Уговорить его остаться было невозможно, а запереть в клетушке — у нас не поднимались руки.

Надо ли говорить, что Мефодий только путался под ногами, и об-

щеизвестная гусиная походка вскоре уже не вызывала в нас прежних симпатий. Мы были готовы нести его по очереди. Вы только вообразите себе такую картинку: цепочка неугомонных геологов, брови которых сурово насулены, потому что вокруг суровая природа. Цепочка спешит открыть очередную кладовую полезных ископаемых, и один из этих спешащих несёт под мышкой базарного гуся. Гусь кричит, вырывается, а геолог идёт. Вперёд.

Но что касается нашего Мефодия, то такой способ передвижения оказался ниже его достоинства.

Может, это было не совсем честно с нашей стороны, но именно тогда мы единодушно разжаловали Мефодия XII просто в лодыри. Решение оказалось опрометчивым.

Когда гусь понял, что с нами ему тягаться не с ноги, он наконец вспомнил о своих крыльях, распустил их во всю длину, часто замахал ими и поднялся в воздух. Мефодий улетел далеко вперёд и плюхнулся где-то там в песок. Мы только переглянулись.

— Ведь он нас ждать будет, — догадался Миша, и мы с удовольствием прибавили шаг.

Подожли к нему. Он сидел, тяжело дыша. Серовато-жёлтый

клюв был раскрыт. Твёрдый розовый язычок торчал немного вбок.

— Ишь, и язык на плечо повесил, — сказал Миша.

— Мефодий, как тебе не стыдно обременять нас? — сказал Юрий Степанович, укоризненно покачав головой.

— Тоже мне гусь, с куриными мозгами... — добавил Миша.

— Летел бы ты назад к озеру. Там для тебя сейчас такая благодать... — порекомендовал я. И только одно небо слышало в наших упреках: «Мефодий, как хорошо, что ты с нами...» Сам гусь оказался умён настолько, чтобы прикинуться непонимающим. Пришлось напоить его тёплой водой из фляги, смочить ему голову и только тогда тронуться дальше.

Возле обнажения, где мы задержались на несколько часов, Мефодий смело бросился в море. Но высокий накат волны сбивал его с ног и выбрасывал на берег в весьма жалком виде. Кроме того, горько-солёная вода не приносила ему желанного удовлетворения, и неприязнь Мефодия к морю вскоре стала заметна по тому, как он, пригнув шею, шипел и косился на волну. Но волна почему-то не боялась его и, словно смеясь, лёгким шлепком валила с лап.

— И всё-таки, мне кажется, — философствовал Миша на обратном пути, — наш Мефодий недостаточно умное животное. Ну, чего, казалось бы, стоило ему, плосконосому, взять у вас, Юрий Степанович, геологический молоток и понести. Просто так, из уважения. Так нет — этого ему не догадаться. Или представьте: образцы пород, которые мы складывали в мешочки, наш Мефодий быстренько доставляет по небу прямо в сторожку...

— Приходим, — перебил Мишу Юрий Степанович, — а наши мешочки лежат, и Мефодий к ним бирочки пишет аккуратным почерком.

— А что?.. — серьёзно спросил Миша, и мы с Юрием Степановичем покатались со смеху.

Мы вернулись в сторожку, к озеру. И тут Мефодий стал вести себя так, что Миша сказал:

— Бедная птица... кажется, она спятила...

И действительно. Наш Мефодий — мы и не предполагали от него такой прыти — с разбега (гусиного!) вонзился в воду. Казалось, что голова его застряла в какой-то коряге. Лапы и расправленные крылья взбили белую пену на поверхности воды. Всё увеличивающиеся волны испуганными кругами разбегались прочь от Мефодия. Наконец, придя немного в себя, он вынырнул и стал пить. Было видно, как шарики воды быстро пробегали по его длинному горлу.

— Мефодий, кончай пить — оставь нам немного для чая! — кричал Миша, толкая меня плечом.

В последующие дни Мефодий всё так же сопровождал нас.

Когда работы в районе сторожки были закончены, мы стали собираться. Теперь нам предстоял путь на юг к реке Облуковине.

Накануне было решено, что Мефодий поедет с нами лишь в том случае, если в вездеходе он будет вести себя прилично.

Мы посадили его в большую картонную коробку из-под макарон, обложили тряпками так, чтобы он не вывалился. И только длинную шею мы не упаковали — она торчала наружу. Странно, но наши приготовления Мефодий воспринял как должное. Он скептически поглядывал на нас и, негромко побрякивая, казалось, говорил: «Тоже... нашли чем удивить...»

Наступила минута, когда я забрался в вездеход. Мне передали коробку с Мефодием. По местам сели и Миша с Юрием Степановичем. Взревел мотор. Тронулись.

Сначала всё шло хорошо, как в зоосаду, когда люди рассматривают слона и ему ещё не надоело это настолько, чтобы шугануть зевак водой из своего «брендспойта». Но потом, когда пошёл кочкарник, коробка с Мефодием, перевернувшись в воздухе, шлёпнулась на чей-то рюкзак сзади меня. Я обернулся, быстро схватил коробку, и в эту секунду из неё вывалился Мефодий. От неожиданности он расправил крылья для полёта. Но куда лететь?.. Сверху тент — здесь можно было только сидеть. И то, спрятав голову в карман. У Мефодия такого кармана не было, и мне оставалось сграбастать его, прижать к груди и водворить на колени. Уже без коробки. Дальше мы ехали с ним, то и дело стучаясь лбами.

Миша улыбался, часто оборачивался к нам и что-то кричал. Наконец я расслышал:

— Это же не гусь — это орёл!..

Я не разделял Мишиного восторга по той причине, что на моём лбу даже невооружённым глазом можно было разглядеть шишку — результат столкновения с клювом Мефодия.

На привале мы вынесли гуся на свежий воздух. Поставили на траву, но стоять он не мог. Голова его качалась, словно вездеход ещё не остановился.

— А когда я пьяный — я мужик тверёзый... — сказал почему-то Миша и покачал головой.

Мы напоили несчастную птицу, обрызгали водой из канистры. Озеро осталось позади, и теперь пресная вода была у нас только в канистрах.

Всё ещё не понимая, что же с ним такое приключилось, Мефодий рассеянно начал глотать хлебный мякиш. Потом встал на свои бурые лапы и, очевидно, поругивая нас и нашу затею, занялся травкой. Чувствуя себя виноватыми, мы с Мишей ползали на четвереньках, выискивали более сочные пучки и подзывали Мефодия.

Он очень быстро сообразил, что мы облегчаем ему работу. А нам стало ясно, что Мефодий родился не иначе как в шумном доме, на шумной улице в шумном городе. И вообще я бы не удивился, если бы Миша сказал, что рычагами вездехода двигать должен не он, а Мефодий.

Нам предстояло пройти около шестидесяти километров, но сломался вездеход (иногда он любил это делать) и пришлось заночевать на полпути. Мы улеглись в палатке, а гусь остался на улице. Да мы его и не приглашали. И так было тесно. Потом Миша утверждал, что дикие гуси, в отличие от домашних, храпят во сне.

— Миша, — возражал ему на это Юрий Степанович, — когда ты спишь, то кажется, что рядом работает твой трактор. А мы просыпаемся с таким ощущением, словно всю ночь продирались сквозь тайгу и конечно не выспались.

— Вот уж скажете, Юрий Степанович... — обидчиво пробубнил Миша, хотя замечание было близко к истине.

Засыпая, мы говорили о том, что теперь Мефодий нас не бросит. Ведь мы прошли вместе через кочкарник, кедрач и болота — как-

никак целых тридцать километров. Значит, мы съели с ним не меньше килограмма соли. А то, что было до вездехода?.. Конечно, всё это не пуд, но пуд начинается с килограмма.

Может быть, поэтому наутро Мефодий с громким гогогом пролез в палатку, потоптался немного на полевой сумке Юрия Степановича и решительно направился к Мише. Не раздумывая, он ущипнул его за руку, лежавшую поверх спального мешка.

— Брысь!.. — крикнул Миша, потёр ловко нарисованный синяк здоровой рукой и спрятал обе в мешок. Хватать Мишу за нос Мефодий не стал, хотя имел на это

полное право: нечего притворяться, когда не спишь!

Затем он подошёл к Юрию Степановичу и ущипнул деревянную пуговицу спального мешка. Это не помогло. Тогда он направился ко мне. Я, прищурив глаза, следил за ним. Когда он подошёл совсем близко, я схватил его. Мефодию такая фамильярность показалась возмутительной, и он с криком несколько раз ущипнул меня за плечо. Разумеется, после такого приветствия я вскочил. Миша и Юрий Степанович тоже вскочили. В палатке поднялся невообразимый гам, словно это была не палатка, а курятник, в который залезла лиса. Вот что может наделать один полудомашний гусь с тремя полудичавшими мужчинами. Со стороны можно было услышать, как мы увещевали Мефодия, а он нас. Кончилось тем, что мы повыскакивали из палатки. Последним вышел Мефодий. Выкурил-таки!

После завтрака снова забрались в вездеход и тронулись дальше. К назначенному месту подошли в полдень. Лагерем встали на крутом берегу Облуковины. Спуск к воде густо зарос ивняком, ольхой и шеломайником. Держась за ветки деревьев, Юрий Степанович пошёл к реке умыться. За ним увязался Мефодий. Смешно было видеть, как он, падая, чуть ли не кувыркаясь, скользил вниз.

— Эх! Такие крылья! И дураку даны, — сокрушался Миша.

— Мефодий! Ну что ты мучаешься? Перелетел бы все эти неприятности и у воды бы встретились, — слышался голос Юрия Степановича.

Через некоторое время с реки донеслось:

— Ребята! Мефодий! Плыви сюда, гусь ты лапчатый.

Мы с Мишей бросились вниз.

Далеко справа, посреди сильной реки плыл наш Мефодий. Он нырял в воду, вынырнув, распускал свои прекрасные крылья, часто взмахивал ими, и всё его тугое тело поднималось над водой. Каза-

лось, он вот-вот взлетит, но, оглашая берега радостным криком, он снова нырял, и золотые от солнца капли повисали и гасли над ним. Обалдевший от счастья Мефодий не слышал наших призывных криков и не хотел знать сейчас, куда и зачем несёт его река, которая подарила ему такую радость.

Он исчез за поворотом.

Вечером мы ходили вдоль реки далеко вниз по течению. Вернулись ни с чем. И уже в глухих сумерках, когда все пили чай, он прилетел. Издалека заслышав его крик, мы повскакали и закричали в ответ. Потом подбросили дров в угасавший костёр. Мефодий с вытянутой шеей сделал низкий свистящий круг над нашими головами и сел рядом в тёмную траву.

Миша хотел устроить его на складном стульчике за нашим походным столом, но Мефодию это приобщение к цивилизации совсем не пришлось по душе: громко вскрикнув, он свалился.

Нам с Юрием Степановичем это усаживание Мефодия за стол сначала понравилось, но, когда мы увидели, что из этого получилось, Юрий Степанович сказал:

— Миша, не надо делать из птицы чёрт знает что... Глупость какая-то.

Мы сидели вокруг Мефодия на корточках, и каждый протягивал ему свой кусок вкусного хлебного мякиша. Гусь придиричиво рассматривал то, что ему предлагали и после долгих раздумий и рассуждений вслух вытягивал шею к чьей-либо руке.

Мне казалось, что Мефодий чаще всего брал у меня и, следовательно, более расположен ко мне. Но, надо полагать, каждый из нас считал точно так же.

Ложась спать, мы хотели в тот вечер устроить Мефодия в палатке, но гусь категорически был против, и нам пришлось уступить.

Шло время осеннего перелёта птиц. Широкие клинья гусей, лебедей, уток всё чаще проходили над ними. Мы любовались окреп-

шими за недолгое камчатское лето птицами. Теперь они были готовы ко всему, что несла им навстречу жизнь.

Мефодий на голоса своих родителей взволнованно поднимал голову, расправлял крылья, махал ими и кричал так, что там, в небе, его слышали и откликались всё более требовательно и настойчиво. Каждый раз в таких случаях мы думали, что пришла пора расстаться. Но Мефодий не улетал. Он продолжал свои утренние исчезновения, пока не пришёл день, когда мы легли спать, так и не дождавшись его. Утром оставленный с вечера хлебный мякиш превратился в сухарики. Миша хрустел ими и цедил сквозь зубы в мою сторону: «у... сосик...» за то, что я вчера не вымыл посуду. Из всего, что есть в мире о радистах и радиостанциях, Миша знал только одно слово «SOS» — «Спасите наши души». Потому-то и был я у него иногда «сосиком». Миша полагал, что для меня — от-

рядного радиста — это очень обидное прозвище.

В маршруты теперь ходили мы с Юрием Степановичем вдвоём. Миша, сославшись на ремонт машины, оставался в лагере. Возвращаясь, мы слышали звон и бряканье гаечных ключей и это означало, что Мефодия нет. Мы молча садились ужинать, молча ложились спать и всем нам нестерпимо хотелось домой.

В каждом человеческом сердце, если оно не каменное, есть уголок, в котором хранятся привязанности. Можно любить человека, животное, растение. Можно любить и не уметь выразить это словами. Но нельзя не почувствовать, как невидимая нить привязанности тянется из нашего сердца к людям, животным, растениям. Не ко всем, а к какому-то дяде Пете, у которого кирпич легко умещается в ладони, когда он, подмигивая тебе, перекладывает в доме печь, к какому-то Стёпе Сверчку, который умеет подражать травяным музыкантам; не ко всем животным, а к какому-нибудь коту Епифану, который не раз показывал тебе остроту своих когтей; не ко всем растениям, а к самому высокому стеблю иван-чая, который стоит высоко над травой у забора и светит тебе малиновыми фонариками своих нераспустившихся цветов. И только тогда, когда обрывается такая нить привязанности, мы вдруг понимаем, что потеряли. Потеряли что-то такое, без чего дальше жить трудно. Потеряли, быть может, навсегда-навсегда... И уже не улыбнуться нам тому дяде Пете или тому Стёпе Сверчку, тому коту Епифану или именно тому стеблю иван-чая.

Может быть, поэтому мои друзья, стоя иногда на берегу Облуковины, молча и долго — пока не погасало солнце — смотрели вслед пролетавшему каравану гусей, среди которых мог быть и Мефодий...

В 1936 году я работал на Горьковском автомобильном заводе. Это был тогда ещё очень молодой завод и, чтобы не мешать налаживанию производства, экскурсии на него были строжайше запрещены самим наркомом Серго Орджоникидзе. Об этом в городе все хорошо знали.

Однако в один из июльских дней директору завода С. С. Дьякову позвонили из обкома комсомола и стали просить «в порядке особого и чрезвычайного исключения» разрешить экскурсию ленинградским пионерам, путешествующим по Волге.

Директор долго не соглашался, но после настойчивых просьб не устоял:

— Ладно, так и быть. Рискну нарушить приказ наркома. Всё же земляков нельзя обижать. Я ведь тоже ленинградец... Пусть едут.

Директор поручил мне принять эту экскурсию, но предупредил:

— Покажешь только механосборочный корпус и главный конвейер, а дальше — ни шагу. Понял?

Через час я увидел из окна заводоуправления подъехавший автобус. Из него высаживались с полсотни девочек и мальчиков в беленьких панамках и костюмчиках, с пионерскими галстуками.

Я вышел навстречу и, познакомившись, узнал, что это не просто ленинградские пионеры, а все до единого отличники учебы, и не просто отличники, а все до единого молодые литераторы, и что в экскурсию по Волге они поехали не просто так, а завоевали право на неё в упорном соревновании. А самый большой наградой является то, что с ними вместе едет любимейший детский писатель Самуил Яковлевич Маршак.

Летнее жаркое солнце старалось в тот день сверх всякой меры. Духота стояла жуткая. Асфальт и тот не выдерживал — плавился. И если легоньким пионерам всё это было нипочем, то несколько грузноватому Самуилу Яковлевичу, который тогда жаловался на какое-то недомогание, было трудновато. К тому же он сказал мне, что до отхода судна времени осталось не очень много, и просил показать ребятам какой-нибудь один наиболее просторный цех, где можно безопасно пройти с такой большой группой. Но главный конвейер посмотреть обязательно надо!

Услышав нашу программу-минимум, пионеры сперва тихо забурчали, потом всё сильнее и сильнее загудели в один голос:

— А кузницу? А Бусыгина?

— Что вы, ребята, — увещевал Самуил Яковлевич, — в такой жаркий день, в такое пекло, да еще в кузницу! В огонь! Да разве можно? И времени у нас нет...

Здесь я вынужден сделать маленькое отступление. Теперь редко кто вспоминает имя знаменитого кузнеца Горьковского автозавода Александра Бусыгина. Но тогда слава о нем, перекрывавшем все старые нормы, гремела на всю страну. Имя его во всех газетах было рядом с именем Алексея Стаханова. На своем паровом молоте (самом крупном на заводе) Александр Бусыгин вместо американской нормы в 675 коленчатых валов в смену отковывал по 1050! С ним тогда начали соревноваться два его сменщика: кузнецы Фаустов и Великжанин. Каждый день они старались опередить друг друга. Однако Бусыгин всё же выходил первым. Я хорошо помню письмо, которое пришло в Горький из США, в котором главный инженер завода «Форда» в Детройте Сорпсон просил подробно объяснить ему: каким образом достигаются такие результаты на паровом молоте?

Примеру Бусыгина, Фаустова и Великжанина последовали тогда тысячи и десятки тысяч других рабочих на всех машиностроительных заводах Советского Союза. Это было замечательное движение за образцовую работу, за высокую производительность труда. Об этом писали во всех газетах. Пионеры Ленинграда тоже хорошо знали о Бусыгине. И вдруг, оказавшись в Горьком, да еще на автозаводе, не увидеть легендарный паровой молот, где соревнуются три богатыря-кузнеца, не увидеть самого Бусыгина! Да разве это мыслимо?!

Однако споры на время улеглись. И где там спорить, когда ребята вошли в механосборочный корпус и перед ними развернулось невиданное зрелище. Пять тысяч самых удивительных станков, чудесных автоматов и полуавтоматов работали тогда в механических цехах километрового здания. У наиболее интересных станков пионеры слушали пояснения мастеров и тут же делали какие-то записи в своих путевых блокнотиках. Большой восторг вызывал у ребят, конечно, главный конвейер, с которого уже тогда каждые две-три минуты сходила новая грузовая автомашина.

Но едва они оказались на улице, страсти в борьбе за посещение бусыгинской кузницы разгорелись с новой силой. Из всей группы пионеров, пожалуй, только один мальчик соблюдал выдержку и спокойствие. Он был очень маленький, и его Самуил Яковлевич вёл за руку. Мне поэт сказал, что этот мальчик, хотя и самый маленький, но уже автор большой поэмы.

Некоторые экскурсанты заявили, что они вообще не уйдут с завода («и пусть все пароходы по Волге уходят...»), пока им не покажут кузницу. Какие только доводы мы с Самуилом Яковлевичем ни выдвигали, ничего не помогало. И не выдержало наконец пионерского натиска доброе сердце Маршака. Экскурсанты победили.

Приняв все меры предосторожности, выстроив их гуськом, в одну линию, мы направились к тому самому паровому молоту, где обычно работал Бусыгин. Я успел ребятам сказать при входе в кузницу, что хотя этот молот американский и называется «Нейшкнел», но стальная наковальня (шабот) в 72 тонны весом, по которой бьёт молот, сделана ленинградскими рабочими на Ижорском заводе.

Мы шли мимо пылавших огнём печей, откуда нагревальщики извлекали докрасна раскалённые заготовки и подавали их кузнецам. Тяжёлые удары паровых молотов и непрерывный, мощный, громовой гул от так называемых «падающих» молотов, ковочных машин, обрезных прессов сразу оглушил всю экскурсию. Ребята спрятали все свои блокноты, записные книжки, карандаши и, разинув рты, насторожились, приближаясь к самому большому паровому молоту.

И надо сказать, что картина была действительно достойной кисти художника. За высокой стеклянной стеной кузницы ярко светило солнце, а здесь, у огромного молота, работал в широкой соломенной шляпе и защитных тёмных очках обнаженный до пояса человек с мощной грудью. Сзади его обдувал непрерывно гудевший большой вентилятор. Ни на секунду не останавливаясь, кузнец принимал клещами раскаленные болванки металла и после трёх ударов молота, извергавшего огненные брызги, передавал всё ещё раскалённую заготовку, уже принявшую форму коленчатого вала, другому рабочему.

Всё делалось быстро и было прекрасно согласовано. А вокруг стояли зачарованные пионеры города Ленина, влюбленными глазами смотрели на одного из лучших кузнецов Советской страны.

В этом шуме кузницы мне кое-как удалось объяснить Самуилу Яковлевичу, что это работает не Бусыгин, а Степан Фаустов. «Бусыгин, — сказал я, — видимо, в ночной смене...»

— Тише! Тише! — забеспокоился поэт. — Никому об этом не говорите, а то ребята ещё задумают здесь на ночь остаться!..

Наконец Степан Фаустов понял, что надо на минутку остановиться. Он снял шляпу, поднял её вверх и, широко улыбаясь неожиданным гостям, приветствовал пионеров. Все были очень довольны, громко закричали, а некоторые с деловым видом мгновенно вынули записные книжки и что-то записали.

Когда экскурсия закончилась, ребята, прощаясь, благодарили меня за то, что я повел их в кузницу и показал самого Бусыгина. Я отчётливо помню это свое не совсем приятное ощущение какой-то тяжёлой неловкости в тот момент, когда сияющие от счастья, очарованные ребята благодарят тебя за Бусыгина, а ты заведомо знаешь, что тут дело немножко не так...

Но как было не молчать, видя умоляющие глаза Самуила Яковлевича Маршака!

Пожимая руку на прощание, Самуил Яковлевич тихо сказал мне:

— Это был случай, когда маленькая правда могла бы помешать большой, прекрасной правде. Спасибо вам!

Весенняя конница

Не капель весенняя
Пробивает лёд —
Это в наступление
Конница идёт.
Встреченная птицами
В ранние часы,

Цокает копытами
Конница весны.
И совсем не капельки
Капают кругом —
Маленькие сабельки
Блещут серебром.
По снегам проворная
Конница летит,
Оставляя чёрные
Ямки от копыт.

Прятки

Всю ночь бродя
украдкой
Тропинкою лесной,
Зима играла в прятки
С девчонкою-весной.
Она её водила
За реки и холмы,
Но стали таять силы
У зимушки-зимы.
Тогда она сказала:

— Да это просто смех!
Я страшно исхудала —
С меня сползает снег!
Я всюду вижу
травку! —
Заплакала зима, —
Мне нужно на поправку
В родные терема!
Пора мне выбираться
Из этой кутерьмы,
Чтоб дома сил
набраться
Для будущей зимы!

Снеговик

Вешний,
Ласковый воздух
Заструился во мле —
И оттаяли звёзды
На оконном стекле.

Снеговик возле дома
Задрожал и поник —
К обращенью такому
Не привык снеговик.
И куда — неизвестно
Он исчез на заре...
Только мокрое место
От него во дворе.

И мороз,
И лужи голубые,
И метель,
И солнечные дни.
На пригорках
Пятна снеговые
Прячутся
от солнышка

В тени.
Над землёй —
Гусиная цепочка,
На земле —
Проснулся ручеек.
И зиме
Показывает почка
Озорной, зелёный
Язычок.

В заграничной командировке

Михаил Фёдорович стоял у окна. По пыльному стеклу редкие дождевые капли прочерчивали извилистые тропинки. Было тоскливо, как бывает одинокому путнику в бескрайней степи или чужаку в незнакомом городе.

Михаил Фёдорович оглянулся. Возле двери стояли два чемодана. Добротные английские чемоданы из настоящей кожи, мягкой и прочной, с широкими ремнями-застёжками. Михаилу Фёдоровичу часто приходилось разъезжать, и он любил хорошую «тару». И позавчера, собираясь домой, купил на Вилкин-стрит эти два отличных чемодана.

Сейчас, уже плотно набитые, застёгнутые, они стояли рядышком у двери и словно напоминали: всё, завтра — домой. Домой! В Москву!

«Семь месяцев!» — Михаил Фёдорович покачал головой.

Да, сегодня стукнуло ровно семь месяцев, как он тут, в этом тихом английском городке. Много это или мало? Семь месяцев. Вроде бы не так уж много. А кажется — так давно!..

В первые дни и недели командировки ему очень даже приглянулся этот чинный городок. Нравились чистые, обрамлённые зеленью улицы, богатые, но благородно-спокойные, не крикливые витрины, низкие, словно стелющиеся к самому асфальту длинные сильные автомашины.

Но постепенно всё надоело. Всё, может, и неплохое, но чужое. Дико чужое. И не терпелось домой. Скорее домой.

Михаил Фёдорович отодвинулся от окна. Подумал: «А не съездить ли ещё разок на завод?» За семь месяцев всё-таки привык к нему.

Металлургический завод, куда его командировали, оказался интересным. Правда, поменьше наших. Но кое-что стоящее он тут подметил.

Кстати, жил Михаил Фёдорович не в гостинице. Помощник директора предоставил ему маленькую квартирку в заводском доме. Гарин не возражал: так и дешевле, и удобнее — дом находился на окраине города, неподалёку от завода.

Было Михаилу Фёдоровичу Гарину всего тридцать лет.

К сожалению, зачастую способный человек не отличается трудолюбием. А трудолюбивый, прилежный — не блещет талантом. В Гарине счастливо сочеталось и то, и другое. Он быстро выдвинулся, получил учёную степень кандидата наук и теперь работал на ответственной должности в главке.

...Гарин ещё раз оглядел комнаты: вещи упакованы, все счета оплачены. Всё голо и неудобно, только на кровати — стопка белья, да на столике — беспорядочно разбросанные мелкие вещи, которые могли ещё понадобиться до отъезда.

Дома было решительно нечего делать. «Пойти на завод? — опять подумал Гарин. — Нет, неохота».

Вынул из чемодана шахматы, неторопливо расставил фигуры и стал механически разыгрывать одну из партий Алёхина, знакомую ещё с детства.

Но передвигать фигуры вскоре наскучило.

Гарин снова подошёл к окну. По стеклу всё так же тоскливо ползли дождевые капли.

Вдруг он усмехнулся, быстро шагнул к телефону, набрал номер. Харт Страффорд оказался дома.

— Сегодня вы последний раз имеете возможность взять реванш, — сказал ему Гарин. — Завтра я улетаю, и уже никогда...

— Где? — перебил Страффорд.

— Можно в клубе, можно — у меня.

— У вас, — решительно отрубил Харт. — Через двадцать минут.

Михаил Фёдорович усмехнулся. Повязал галстук, надел висевший на спинке стула пиджак. Он так и полагал, что Страффорд не пожелает встречаться в шахматном клубе. Ещё бы! Чемпион города уже дважды был бит Гариным при людях и, конечно, не хочет срамиться публично третий раз. А если Харт выиграет...

Гарин засмеялся.

О, если Харт выиграет! Тогда-то уж он непременно затащит Гарина в клуб и заведёт там, будто невзначай, но, конечно, при свидетелях, — обязательно при свидетелях! — разговор о своей победе.

Да, Страффорд честолобив. Очень. И проигрыш для него — нож острый.

Гарин подошёл к круглому зеркалу, висевшему возле широкой кровати, и маленькой жёсткой щёткой аккуратно пригладил волосы. Теперь он, кажется, готов принять гостя.

Познакомились они месяца три назад. В один из таких же, как сегодня, тоскливых вечеров Гарин брёл по улице и вдруг увидел впереди, возле кафе, вырезанный из медной пластины силуэт огромного гривастого шахматного коня.

«Милый!» — обрадовался Гарин.

Он вошёл. Это был городской шахматный клуб: две большие, плохо освещённые и насквозь прокуренные комнаты со сводчатыми потолками.

В сизой неподвижной пелене дыма, как в тумане, сидели за столиками игроки. Гарина поразило мрачное помещение. Сразу вспомнился светлый турнирный зал московского шахматного клуба. Он усмехнулся.

Гарин не курил, у него вскоре заныла голова. Но всё-таки он не ушёл. Очень уж хотелось поиграть! Правда, Гарин не мастер, а перво-разрядник, к тому же плохо тренирован — не часто мог выкроить время для любимой игры, — а здесь собирались лучшие городские шахматисты, но он рискнул и сел за доску.

К его удивлению, он легко выиграл у первого незнакомого противника, потом у второго. Постепенно несколько англичан собрались вокруг его столика. Когда проиграл третий противник Гарина, англичане заволновались. Один из них быстро прошёл в соседнюю комнату и вскоре явился вместе с высоким, полным, хорошо одетым мужчиной с тщательно подстриженными усиками. Мужчина был молчалив и весьма корректен. Перед ним все расступились, он уверенно сел за доску и протянул Гарину визитную карточку.

«Харт Страффорд. Похоронное дело — Страффорд и сын», — прочитал Гарин.

Ниже — адрес и телефон.

«Хоронить меня собирались, что ли?» — подумал Гарин.

Но тут Страффорд протянул ему руку и сухо отрекомендовался:

— Мастер, двукратный чемпион города...

Всё сразу стало ясно. Против Гарина выдвинули тяжёлую артиллерию. Специалист по мертвецам, очевидно, должен был отомстить за своих соотечественников и уложить русского в гроб.

«Ну что ж, буду сопротивляться!» — решил Гарин.

На всякий случай он счёл своим долгом предупредить господина Страффорда, что сам он отнюдь не мастер и поэтому, конечно, не смо-

жет быть достойным партнёром чемпиона города, который уже двукратно...

— Ваш ход! — перебил Страффорд.

Игра началась. Кончилась она быстрее, чем Гарин предполагал. Сперва он играл очень осторожно, стараясь разгадать коварные замыслы и предусмотреть все замаскированные ловушки грозного противника. Но вскоре убедился, что никаких хитроумных замыслов и ловушек нет, что противник вовсе не грозный и, хотя носит звание мастера, играет лишь в силу наше-

го перворазрядника, да и то не из лучших.

Гарин выиграл у Страффорда две партии. Тот встал из-за доски, сразу утратив всю свою невозмутимость, и раздражённо смешал фигуры.

— Вам чертовски везло, — сказал он. — Но мы ещё встретимся!

Они действительно встретились. Через месяц в том же клубе. Страффорд снова проиграл обе партии. Теперь уже не могло быть разговора о «случайности» и «везении». Болельщики обступили советского инженера, наперебой стре-

мясь пожать руку «маэстро Гарину», а Михаил Фёдорович в сотый раз смущённо и даже чуточку сердито объяснял, что он не маэстро и что в Советском Союзе есть сотни шахматистов, играющих гораздо сильнее его. Гарина вежливо слушали, но, кажется, не очень-то верили ему.

...О Харте Страффорде, чемпионе города, и вспомнил Михаил Фёдорович перед отъездом. Страффорд поможет ему уoitь бесконечно тягучий последний вечер.

Страффорд вошёл, строгий, подтянутый, сухо поздоровался и сразу же сел за доску. Очевидно, ему не терпелось взять реванш. Начал он партию не как всегда. Обычно он выбирал «спокойные», хорошо исследованные, «закрытые» дебюты, а тут предложил королевский гамбит — рискованную жертву пешки. Вероятно, он решил сокрушить Гарина стремительной атакой. Но и королевский гамбит не помог. Наоборот, лишь ускорил развязку. Уже через девятнадцать ходов Страффорд остался без коня и сдался.

Вторая партия была ещё менее интересной. Страффорд, атакующий пыл которого после проигрыша сразу испарился, уныло и трусливо маневрировал фигурами, создав из своих пешек «стеноваль» — «каменную стену» — прикрытие, за которым он надеялся отсидеться. Но Гарин смелой жертвой взорвал его «каменную крепость», — все фигуры белых хлынули в возникшую брешь, и это вскоре решило участь Страффорда.

— Сыграем третью? — вежливо предложил Гарин.

— Хватит!

Англичанин резко встал. Вид у него был обиженный. Он уже взял шляпу, собираясь уйти, как вдруг в дверь позвонили.

Вошёл Джон Питчер — сосед Гарина по дому. Он жил по той же лестнице и на том же этаже. Пожилой неразговорчивый человек с крупными неправильными чертами большого мясистого лица и высо-

ким морщинистым лбом. Михаил Фёдорович удивился его приходу: Питчер прежде никогда у него не бывал.

Ещё в первые дни, когда Гарин в сопровождении главного инженера совершал обход цехов, знакомясь с производством, он обратил внимание на этого пожилого рабочего-пундлинговщика. Чем-то трудно уловимым — то ли чертами лица, то ли неторопливой речью, показывающей привычку много размышлять, — Джон Питчер привлекал к себе.

Впоследствии они познакомились ближе. Как-никак, соседи. Правда, Питчер был неговорлив, но всё-таки иногда, встречаясь на лестнице, или на автобусной остановке, или в кафе, они обменивались десятком-другим фраз. Гарина всегда поражала резкость и самостоятельность суждений этого мрачноватого странного человека. И вот сейчас Джон Питчер впервые за семь месяцев переступил порог квартиры Гарина.

— Уезжаете?! — не то спрашивая, не то утверждая, произнёс Питчер, флегматично оглядывая голую комнату. — Я зашел проститься.

Михаил Фёдорович познакомил неожиданного гостя с Хартом Страффордом и пододвинул ему кресло. Прошло несколько минут. Беседа не клеилась. Вдруг Джон Питчер увидел шахматные фигуры, и вялые глаза его чуть оживились.

— Сыграем? — обрадовался Михаил Фёдорович.

Глаза Питчера сразу потухли.

— Нет... Я не играю. В молодости, правда, грешил, но потом бросил.

— Обидно! — сказал Михаил Фёдорович. — А я люблю шахматы. Жаль, что у вас, в Англии, не очень-то уважают «мудрейшую из игр». Гораздо меньше, чем футбол или бокс.

— Нет, почему же? — возразил Питчер. — У нас много шахматистов, хотя сильных игроков, действительно, гораздо меньше, чем у

вас, в России. Но на то свои причины.

Гарин пытался расспросить подробнее, но Питчер явно уклонялся от разговора о шахматах. Вскоре он поднялся с кресла.

— Может быть, всё-таки тряхнете стариной? — уже просто из вежливости повторил своё приглашение Михаил Фёдорович. — Сыграем?

— Сыграем! — неожиданно подержал Гарина Страффорд.

В продолжение всего разговора он молча стоял со шляпой в руке. Питчер задумался.

— Я не играю... — начал он.

Михаил Фёдорович видел, что Питчер колеблется, и не понимал, в чём дело. Может, торопится?

— Одну партию! На прощание! — воскликнул Гарин, быстро расставляя фигуры.

Джон Питчер сел к столику.

Но напротив него неожиданно сел Страффорд. Он отложил шляпу и всем своим видом показывал, что жаждет сразиться.

«Хоть на Питчере решил отыграться», — догадался Гарин.

Страффорд двинул вперёд королевскую пешку. Партия началась. Гарин подсел к столику, наблюдая за игрой.

Уже после первых ходов Михаил Фёдорович понял, что Питчер — сильный шахматист. Он применил защиту Каро-Канн и играл в соответствии с анализами Ботвинника. Страффорд насторожился и стал играть очень внимательно.

«Вот ещё номер! — говорило его сердитое лицо. — Откуда взялся этот скромница? Знаем мы таких неумеющих!»

Вскоре позиция сильно усложнилась. Страффорд повёл атаку на чёрного короля. Питчер, спокойно защищаясь, готовил прорыв в центре.

Внезапно Питчер пожертвовал пешку. Жертва оказалась настолько неожиданной, что Страффорду пришлось надолго задуматься. Задумался и Михаил Фёдорович. Он был сильным шахматистом и неоднократно встречался за доской даже с опытными мастерами, поэтому мог оценить все тонкости жертвы. Нет, это не лёгкая, «мнимая» жертва, при которой через два-три хода пожертвованное возвращается. Пешка не отыгрывалась, но чёрные фигуры получали возможность ворваться в лагерь белых. Решиться на такую жертву можно, лишь расставив все варианты на много ходов вперёд.

«А может, Питчер сам не видит силы своего хода? — подумал Михаил Фёдорович. — Так случается у не слишком хороших игроков: интуитивно они делают отличный ход, не видя по-настоящему его силы и не используя в дальнейшем всех возможностей».

Страффорд принял жертву: ничего другого не оставалось.

Разгром последовал стремительнее, чем можно было предполагать. Уже через три хода Питчер предложил жертву коня, которую Страффорд благоразумно отклонил. А ещё через четыре хода Питчер заставил его принять жертву слона и дал форсированный мат в шесть ходов.

— Реванш? — не глядя на противника, сердито спросил Страффорд.

спокойную защиту. До семнадцатого хода противники разыграли дебют по теории, и Гарин, следивший за партией, окончательно убедился, что Питчер — опытный шахматист: самоучки никогда не ведут дебют настолько точно.

Он страшно злился. Позор! Проиграть какому-то Питчеру! Да ещё в присутствии русского!

Противники поменялись цветами фигур.

Страффорд теперь думал над каждым ходом так серьёзно, долго и сосредоточенно, будто играл очень ответственную турнирную партию.

Вот ещё не хватало! Проиграть человеку, который сам заявляет, что почти не играет в шахматы!

Помня мастерство Джона Питчера в атаке, Страффорд избрал

Вскоре позиция упростилась.

Страффорд, очевидно, решил играть активнее и стал настойчиво продвигать вперёд пешки ферзевого фланга.

Джон Питчер вынудил размен ещё двух фигур и вдруг угрожающе вторгся ладьями на седьмую горизонталь.

— Четыре ладьи, пешек поровну... Такой эндшпиль почти никогда не выигрывается, — с сожалением произнёс Страффорд. — Что ж, видно, ничья?

Питчер промолчал.

Партия не закончилась вничью. Всё усиливая и усиливая давление по седьмой горизонтали, Джон Питчер заставил чемпиона всецело перейти к защите. Вскоре король белых смело вошёл в игру и решил партию.

Страффорд возбуждённо смешал фигуры.

— Я не привык к таким шуткам! — сердито заявил он. — Вы — первоклассный мастер, хотя вашей фамилии нет среди первых десяти шахматистов Англии. Не понимаю, зачем вы дурачите меня?

— Я не мастер! — спокойно ответил Питчер.

Страффорд подозрительно оглядел его, но, не заметив на лице Питчера улыбки, схватил шляпу и быстро откланялся. Он так поспешно рванулся к двери, что зацепился ногой за чемоданы. Что-то сердито пробормотал и исчез.

Гарин усмехнулся.

Питчер тоже встал, как всегда несколько вялый и флегматичный, собираясь уходить. От его возбуждения во время игры уже не осталось и следа.

— Нет, так вы не уйдёте! — сказал Михаил Фёдорович. — Вы и вправду мастерски играете. Я, конечно, не имею права настаивать, но прошу вас объясниться! Ведь мы видимся последний раз!

— И правда, мы видимся последний раз, — задумчиво повторил Питчер, будто эта мысль только сейчас достигла его сознания.

Он сделал несколько шагов по комнате. Подошёл к окну. По стеклу всё ещё блуждали дождевые капли. Шагнул к чемоданам, запнувшись за которые только что чуть не упал Харт Страффорд.

— Да, последний раз... — опять произнёс он.

Потом решительно сел.

— Слушайте! Об этой истории во всём городе будете знать только вы один, — сказал Питчер. — Назвав меня мастером, вы действительно ошиблись. Я не имею этого звания, хотя когда-то многие гово-

рили, что я играю в силу мастера. Мне сейчас сорок четыре. За последние четырнадцать лет я сыграл только две партии — вот сейчас, со Страффордом. Я дал себе зарок не играть и, как видите, сегодня нарушил клятву. Я решил, что никто здесь не будет знать моей истории, и, как видите, опять нарушаю обещание. Впрочем, вы завтра уезжаете...

Питчер умолк, достал сигару и неторопливо раскурил её.

Гарину не терпелось быстрее услышать продолжение рассказа, но он сдерживал себя. Молча ждал.

— В молодости я очень увлекался шахматами, — продолжал Питчер. — Надо думать, у меня имелся талант. Да, вероятно... потому что весьма быстро я достиг довольно крупных успехов. В том городе, где я провёл всю молодость и который покинул четырнадцать лет назад, меня вскоре стали прочить в чемпионы. Обо мне часто писали в местной газете, как о несомненном кандидате на звание первого шахматиста.

И вот однажды друзья уговорили меня: настало время отвоевать почётный титул у Томаса Максвелла. Уже четыре года он считался чемпионом города, почти не участвуя в соревнованиях.

Дальнейший мой рассказ вам, конечно, покажется диким, — хмуро усмехнулся Питчер. — Диким и нелепым. Ведь вы, русские, не знаете наших порядков. Да, очень трудной оказалась эта затея.

В нашем городе был шахматный клуб. Ютился он в одной крохотной каморке, но всё-таки клуб был. Однако чемпионаты города не проводились уже несколько лет. Ведь нужны деньги: и на аренду помещения, и на содержание судейской коллегии, и на всё прочее. А где их взять? Раньше иногда жертвовал шахматному клубу довольно крупные суммы меценат, страстный болельщик, фабрикант Гаррис. На эти вот деньги и проводились «турниры имени Гарриса». Но Гаррис, к несчастью, недавно умер. И всё. Денег не стало.

Короче, правление клуба предложило мне самому договориться о матче с чемпионом города Максвеллом. Я поехал к нему.

Томас Максвелл, седовласый господин, встретил меня в своей отделанной чёрным деревом гостиной подчёркнуто любезно. В весьма деликатных выражениях он объяснил, что претендентов на почётное звание много, а он — человек занятой и не может бросаться своим временем. Ведь его консервный завод работает круглые сутки и всегда нужен хозяйский глаз.

— Время — деньги, — приветливо улыбаясь, сказал он. — Если вы можете компенсировать мне то время, которое необходимо потратить на тренировку к матчу и на саму игру, я охотно приму ваш вызов!

— Сколько? — спросил я.

— Шестьсот фунтов! — произнёс Томас Максвелл, вставая.

Переговоры были окончены.

— Я достану нужную сумму! — сказал я и ушёл.

Легко сказать «достану нужную сумму!» Но где? Где её взять? Я работал тогда, как и теперь, пудлинговщиком и содержал своих родителей. Шестьсот фунтов стерлингов — вообще огромные деньги, а для простого пудлинговщика — особенно.

Но я был молод. Матч был мне необходим. Только став чемпионом города, — а в том, что я побью Максвелла никто не сомневался, — я мог получить право на участие во всеанглийских соревнованиях, добиться желанного звания мастера и по-настоящему заняться шахматами.

Почти целый год я работал на заводе с утра до ночи. Я отказывал себе и даже родителям во всём. Продав золотые побрякушки — их мне дала мать, это был подарок ей от покойной бабушки, продал мотоцикл и ещё ряд вещей. В конце концов я собрал пятьсот шестьдесят фунтов. Я рассчитал, что ещё через четыре месяца у меня будет нужная сумма.

Но вдруг заболел мой отец. Пролёжал он почти пять месяцев. Перенёс тяжёлую операцию. Воспаление поджелудочной железы... — Питчер остановился, взглянул на Гарина.

Тот кивнул. Да, он знает — скверная штука.

— Ну, вот, — продолжал Питчер, — а операция у нас, в Англии, очень дорогое удовольствие...

Гарин опять кивнул. Да, и это он знает. Ему самому тут срочно понадобилось вырвать зуб. Вроде бы — пустяк. Но врач всё-таки содрал кучу денег.

— Короче, — сказал Питчер, — на лечение отца ушло двести шестьдесят фунтов. — Но, слава богу, отец всё-таки выздоровел. Правда, остался инвалидом...

Я не отчаивался. Вновь принялся сколачивать нужную сумму. Работал без устали, не слушая уговоров матери, которая молила меня бросить эту безумную затею. «Ты страшно исхудал. Похож на мертвеца», — каждый вечер чуть не плакала она.

Но я лихорадочно, как скряга, копил деньги ещё больше полугода. Да, пока не свалился.

Питчер на секунду умолк, задумался.

— Я и до сих пор помню эти страшные дни, — мрачно продолжал он. — Что-то случилось с моими нервами. Мне всё вдруг обрыдло, осточертело. Хотелось только лежать. Неподвижно, отвернувшись к стене. Лежать и не видеть никого, даже мать.

А иногда мне вдруг думалось: «А не прыгнуть ли с двенадцатого этажа? А? И всё...» Потом я узнал: это называется депрессия. Такое вот угнетённое, подавленное состояние.

В общем, пролежал я четыре месяца. Мать приглашала ко мне лучших докторов. Когда я встал, у нас оставалось семьдесят два фунта и четыре шиллинга.

Врачи запретили мне работать в течение месяца. Я снова стал часто заходить в шахматный клуб.

За два года там ничего не изменилось. Томас Максвелл всё ещё оставался чемпионом города. За эти годы он не сыграл ни одной партии: ни у кого из претендентов не нашлось шестисот фунтов.

Однажды в клубе я услышал сногсшибательную новость: Максвелл всё-таки согласился через месяц играть матч.

— С кем? — взволнованно спросил я.

— С Беном Вильсоном!

Признаться, никогда — ни до того, ни позже, я так не смеялся. Бен Вильсон — выживший из ума старик, владелец шляпной мастерской — мнил себя непризнанным шахматным гением. Каждую неделю он изобретал очередной, ни к

чёрту не годный «дебют Вильсона». Играл он плохо: я давал ему пешки вперёд и выигрывал.

Томас Максвелл мог не бояться за исход этой комедии.

Но окончательно доконал меня слух, что Максвелл согласился играть с таким удобным противником не за шестьсот фунтов, а всего за сто.

Я решил навсегда уйти от шахмат и переехал в другой город.

...Джон Питчер окончил рассказ. Он сидел, устало сгорбившись, с потухшей сигарой во рту, потом тяжело поднялся и, хмуро усмехнувшись, вышел из комнаты.

Назавтра Михаил Гарин вылетел в Москву.

А. ШИБАЕВ

Тетрадки и загадки

*Пришёл из школы педагог,
Стал проверять тетрадки.
И целый вечер педагог...
Отгадывал загадки!
Он долго думал, например,
Раскрыв тетрадку Тани:
Что это значит: «Пионер
Играет на баране»?..
Ах, неужели гвозди
Вбивают.. молоком?!
(Написано у Кости
О чуде о таком.)
А кто-то тяпкой вытер стол!
(Ах неужели — тяпкой?)
А кто-то каской кроет пол!
(Напрасно. Лучше —
шапкой).
А кто-то пишет: «Наш
катор —
Такой хороший, гадкий...»
— Ай-яй! — промолвил
педагог
И отложил тетрадки.*

*Не бред ли это?..
Ясно — бред!
Здоров ли я?
Наверно, нет...
И лоб пощупал он тайком,
И заспешил к дивану.
И слышит: кто-то молоком
Колотит по барану!*

Рис. Г. Ясинского

Кто же он, Гантус ар-Руси?

В середине прошлого века на Невском проспекте иногда появлялся человек со смуглым лицом и чёрной как смоль бородой. Главная улица Петербурга была полна сюртуков, штатских и военных мундиров всех цветов радуги. Но чернобородый отличался ото всех: на нём был яркий восточный халат, на голове — белая чалма. Шедшие навстречу невольно замедляли шаги, разглядывая незнакомца: кто он? Может, какой-нибудь мулла, неведомым ветром занесённый на берега Невы, или какой-то богатый турецкий купец из Смирны, а может, член чьего-нибудь посольства, прибывшего в столицу России?

Чернобородый не был ни тем, ни другим, ни третьим... Студенты, учившиеся в то время в университете, сразу узнавали его: шейх Мухаммед Айяд Тантави, профессор Санкт-Петербургского университета, приехавший из страны сфинксов и пирамид, из далекого Египта, чтобы руководить занятиями студентов, изучавших язык и культуру арабов.

Арабы издревле славились своей богатой культурой. Они внесли большой вклад едва ли не во все области науки. Арабы были замечательными мореходами. Это они изобрели и приспособили первыми косой парус, позволявший плыть против ветра. Арабы были искусными врачами, и многие открытия ими способы лечить больных используются даже в наше время. Они были прекрасными математиками, и те самые цифры, с помощью которых вы решаете задачи, также изобретены арабами. Кроме того, они славились своей чудесной поэзией, которая и сегодня доставляет наслаждение всем любящим литературу.

Теперь вам станет понятно, почему почтенный шейх Тантави прибыл с берегов Нила к берегам Невы. Русская наука очень интересовалась древней культурой арабов. Чтобы познать её, надо было изучить прежде всего язык арабов, а потом углубиться в исследования многочисленных сочинений древних учёных и поэтов.

Шейх Тантови много сделал для обучения русских студентов. Учёный из Каира так и не вернулся в Египет. Он умер в нашем городе. Могилу шейха можно и сегодня увидеть на Волковом кладбище. Но он был не только учителем. Шейх Тантови сам был писателем и, долго прожив в нашей стране, сочинил произведение, которое посвятил всем арабам: «Подарок смышлёным про страну Россию...» Он рассказал своим сородичам о жизни и быте народов страны, дружелюбно принявшей его.

Вскоре и в России появились свои знатоки языка и культуры арабов. Их называли по-разному, но чаще всего арабистами. Некоторые из них учились у шейха Тантови, другие учились уже у учеников мудрого араба. Русские арабисты долго и упорно изучали рукописи и старинные книги арабских мудрецов. Эта работа принесла многие научные открытия.

Разными путями доставлялись рукописи и старинные книги — на верблюдах через пески пустынь, на судах через бурные моря. За многие годы в нашем городе накопилось двенадцать с половиной тысяч рукописей — одна из самых замечательных в мире библиотек редчайших памятников культуры арабов!

Редкостей здесь — множество. Одни на бледновато-жёлтом пергаменте, другие — на вощёной бумаге, изготовленной шесть, семь и более веков назад. Есть тут рукописи с обугленными краями, спасённые некогда из библиотек, объятых пламенем пожаров. Можно увидеть также рукописи, сморщенные, как лица древних старцев, — это следы наводнений, затоплявших старинные библиотеки. Всё это неисчислимое богатство бережно хранится в специальных шкафах. Доставленные сюда ещё в прошлом веке, эти рукописи не молчат. Они говорят... Они рассказывают о прошлом человечества.

В здании на набережной Невы, где расположено хранилище арабских рукописей, находится Арабский кабинет. Тут царит глубокая тишина. Над рукописями склонились научные работники. Все столы заняты, лишь один свободен. Но никто не займет его, потому что это заповедное место. Это стол Гантуса ар-Руси («Игнатия Русского»). Так на Востоке называют знаменитейшего нашего арабиста академика Игнатия Юлиановича Крачковского. Учёный умер, но стол, за которым он работал, бережно сохраняется таким же, каким он был при жизни академика, посветившего свою жизнь изучению арабской культуры.

И. Ю. Крачковский родился девяносто лет назад, в марте 1883 года. На берегу Невы, на углу набережной Лейтенанта Шмидта и 7-й линии Васильевского острова, стоит старинный трёхэтажный дом. Таких старинных зданий в нашем городе немало, но этот дом особенный. На двух его фасадах укреплено более двадцати памятных досок. И на каждой доске — имя, которое является гордостью нашей науки. Другого такого здания нет во всей стране. Это — дом русских академиков, где в течение двух столетий жили, работали, делали замечательные открытия крупнейшие светила русской и мировой науки.

На простенке между двумя окнами первого этажа висит доска, на которой начертано:

В этом доме жил и умер выдающийся советский учёный-востоковед, крупнейший деятель русской арабистики

Игнатий Юлианович КРАЧКОВСКИЙ

Бронзовая доска висит между окнами той самой комнаты Гантуса ар-Руси, где умер прославленный арабист. Жива супруга покойного академика, профессор Вера Александровна Крачковская. С трогательной заботой она бережёт квартиру в таком виде, в каком она была при жизни Игнатия Юлиановича.

Я бывал в этой необыкновенной квартире, напоминающей музей. Взглянув в окно, можно увидеть двух сфинксов из розового гранита, почти полтора столетия назад привезённых сюда, на невский берег, из древних Фив в Египте. И Игнатий Юлианович, и Вера Александровна очень любили смотреть на

сфинксов, стоять у их гранитных пьедесталов. Древние изваяния напоминали им о молодости, когда в далёком Египте начинали они свой путь учёных-востоковедов.

Однако возвратимся в квартиру Крачковских, значащуюся в доме русских академиков под № 1. Первое, что нам бросится в глаза, это книги. Книги во всех комнатах. На разных и разных языках. Игнатий Юлианович знал двадцать шесть европейских, азиатских и африканских языков. Не просто знал, а свободно читал, писал и говорил на этих языках. Представьте, сколько труда затратил учёный, чтобы овладеть этими богатствами. Но Гантус ар-Руси был очень настойчивым и упорным. Раз это нужно для науки, — он не жалел труда.

Вот рабочий кабинет Гантуса ар-Руси. Чей это портрет смотрит на нас со стены? Умное, несколько строгое восточное лицо с неестественно окаменелым взглядом:

Я спрашиваю Веру Александровну:

— Кто это?

— Этот человек был слепым, — отвечает она. — Это Абу-ль-Аля, замечательный арабский поэт и философ, живший много веков назад. В его поэзию был влюблен Игнатий Юлианович. Недаром он избрал жизнь и труды Абу-ль-Аля темой для своей диссертации. Игнатий Юлианович был тогда совсем молодым, начинающим учёным, но до самой смерти своей интересовался этим гениальным слепцом. Многие лирические строки поэзии Абу-ль-Аля Крачковский знал наизусть и любил повторять их.

Я останавливаюсь около стеллажа, на полках которого стоят пятнадцать полных изданий «Тысячи и одной ночи». Кто из вас не читал этих сказок Шехерезады? В Советском Союзе было издано полное собрание этих волшебных сказок — восемь томов. Это издание отредактировал и подготовил к выпуску в свет академик Крачковский. Десятки тысяч строк, одну за другой, сверял он с арабскими подлинниками. Сверял не только для предельно точного перевода, но добивался того, чтобы каждая фраза даже звучанием своим совпадала с тем, как она звучит по-арабски.

Как-то в руки Гантуса ар-Руси попала рукопись, которая вначале ничем особенным не привлекла его внимания. По первым страницам учёный увидел, что перед ним рассказ о каких-то морских переходах, написанный в стихах. Полистал рукопись, не увлекся ею, она показалась ему довольно скучной. Академик отложил рукопись, занялся другой, более срочной работой.

Прошло несколько лет. Просматривая научные труды и журналы, полученные из-за границы, Крачковский остановился на одном интересном сообщении. Уже давно известно, что морской путь из Европы в Индию был открыт знаменитым португальским путешественником Васко да Гама. Из старинных документов науке было также известно, что лоцманом, проводившим корабли португальской экспедиции к берегам Индии, был араб. Однако, кто был этот лоцман, как звали искусного арабского морехода — оставалось неизвестным. Долгие годы раскрытию этой тайны посвятил французский учёный-востоковед Габриэль Ферран. И наконец труд французца увенчался успехом. Он назвал имя арабского лоцмана — Ахмад ибн Маджид из Джульфары.

Как только академик Крачковский прочитал это имя, он сразу же стал припоминать: «Ахмад ибн Маджид, Ахмад ибн Маджид, — где же я слышал это имя? Или, быть может, прочитал?» И вдруг вспомнил. Память у учёного была превосходной. Да, да это имя автора той самой «скучной» руко-

писи, которую он несколько лет назад, полистав, положил обратно в стальной сейф.

Принесли рукопись, и теперь уже с большим интересом углубился в неё знаменитый арабист. И то, что когда-то казалось скучным, стало необыкновенно увлекательным. Крачковский вскоре убедился, что перед ним редчайший документ, написанный почти четыре с половиной столетия назад. Нет, это не просто описание каких-то морских переходов. Это — лоция! Лоция, написанная тем самым ранее безвестным Ахмадом ибн Маджидом, лоцманом Васко да Гама.

Лоции — это золотые книги моряков. Ведь это в них подробно описаны все очертания берегов, местонахождение удобных бухт, указаны опасные участки на морских путях — подводные камни, рифы, мели. Лоции содержат подробные сведения о маяках, о направлении течений, о ветрах... Одним словом, без лоции мореход почти слепец...

Очень радовался Крачковский неожиданному открытию. Но сам он не мог в то время углубиться в изучение исторической лоции — был занят другой спешной работой. Решил поручить рукопись одному из своих учеников и руководителем им. Вскоре академик пригласил к себе студента Ленинградского университета Теодора Шумовского.

— Теодор, доверяю вам труд огромного значения. Предупреждаю: пота пролить придётся много, даже очень много. Но результат такого труда непременно выльется в научный триумф...

Теодор Шумовский с жаром принялся за работу. Да, труд действительно оказался огромным. Мало было знать арабский язык. Потребовалось знание испанского и португальского языков, на которых были написаны многие исторические сообщения и документы о знаменитой экспедиции Васко да Гама. Надо было очень подробно изучить географию, астрономию, мореходство тех далёких времён. И вот — победа! Шумовский оправдал доверие своего знаменитого учителя. Он полностью перевёл лоции Ахмада ибн Маджида. Они были изданы, и мировая арабистика обогатилась трудом большого научного значения. На титульном листе «Лоций» напечатано это посвящение: «Свободолюбивым арабским народам с пожеланием больших и счастливых плаваний».

Наш город часто посещают гости из Египта, Сирии, Ливана и других арабских государств. Учёные, студенты считают своим долгом посетить могилу Гантуса ар-Руси на Волковом кладбище — отдать дань уважения ленинградскому академику, так много сделавшему для укрепления великой дружбы советского и арабских народов.

Один учёный из Каира, приехав в Ленинград, посетил Арабский кабинет, долго в почтительном молчании стоял около рабочего стола Игнатия Крачковского. Прощаясь, египетский учёный сказал:

— В вашей стране я впервые увидел дерево, которого нет на берегах Нила. Это лохматая, иглистая, вечнозелёная красавица ель. Смотрю я сейчас в окно, и передо мной несёт свои полные воды величаява Нева. Но не вижу я на берегах вашей реки привычных к африканскому зною, столь родных и близких мне гордых и стройных пальм. Ель и пальма! Далеко растут они друг от друга. Далеко, но обе зелёные красавицы любят солнце, простор, свободу... Пусть же будут они сёстрами! Пусть всегда будут братьями наши народы, пусть солнце свободы вечно сияет над нами!

II. ТРУДНЫЕ ФОРМУЛЫ, БЕЗ КОТОРЫХ ЕЩЁ ТРУДНЕЕ

Июль в разгаре. Коричневые, выжженные солнцем крымские холмы. Зелёный цвет только внизу — сады на окраине Симферополя.

Но человек, сидящий на холме, не смотрит вниз. Всё его внимание сосредоточено на маленьком пятнышке в небе. Скинув сюртук и спрятавшись от жары под тень большого зонта, каким пользуются художники, он напряжённо следит через подзорную трубу за полётом орла. Время от времени откладывает трубу и записывает что-то в блокноте, лежащем на колене. И снова до боли в глазах всматривается в небо.

Доктор медицины Николай Андреевич Арендт, конечно же, знает, что человек по отношению к собственному весу в сотни раз слабее птицы, что, какие бы большие крылья он ни сделал и как бы ни размахивал ими, он не сможет сравняться с ней и поднять свой вес в воздух. Но ведь эта птица не машет крыльями.

Она парит!

Не затрачивая никаких усилий, плавными и торжественными кру-

гами поднимается орёл всё выше и выше. Так неужели человеческого ума и изобретательности не хватит на то, чтобы скопировать это чудо природы? Неужели нельзя создать летательный аппарат, копирующий птичьи крылья, достаточно большой, чтобы нести на себе человека?

Осуществление планирующего полёта становится навязчивой идеей доктора Арендта. Он проводит долгие часы в наблюдениях за парящими птицами, пытается теоретически осмыслить его основные принципы, пишет статьи и прошения об отпуске средств на опыты. Иногда недостаток научных аргументов он пытается восполнить своей горячей верой в осуществимость идеи.

«Если я прав? Если я на верном пути? Неужели не стоит пожертвовать только несколькими часами времени, чтобы выслушать меня, а если я докажу, что я прав, пожертвовать даже большими деньгами, чтобы проверить предположения мои на опыте? Воздухоплавание занимает сейчас много умов... Надолго будет гордиться перед светом та страна, в которой будет сделан первый удачный опыт воздухоплавания. Почему бы не нашему отечеству быть этой страной?»

Нет, предложение доктора Арендта не положили под сукно. Его изучали, собирались авторитетные комиссии, писали отзывы. Сам Дмитрий Иванович Менделеев внимательно выслушал изобретателя. Выслушал — и не нашёл того, что ищет в любом изобретении ум учёного прежде всего: ясной теории.

«Нет достаточных оснований отрицать возможность осуществления этой идеи, — гласит заключение воздухоплавательной комиссии от 1885 года. — Но между идеей и её выполнением — целая бездна, и бездна эта господином Арендтом ничем не наполнена».

22 октября 1891 года заседание Математического общества в Москве оказалось неожиданно много-

людным. Служители вносили и ставили в проход дополнительные стулья, но всё равно опоздавшим пришлось стоять. Председатель ещё не успел объявить фамилию поднимающегося на трибуну докладчика, как в зале раздались аплодисменты: профессора Жуковского узнали сразу — по высокому росту и окладистой бороде. Имя его было уже хорошо известно в учёных кругах не только Москвы и Петербурга, но и за границей.

— «О парении птиц», — произнёс Жуковский неожиданно тонким, высоким голосом.

Математическое общество и парящие птицы? Какая между ними связь?

Но слушатели не выказали никакого недоумения. Наоборот, именно математики и могли оценить смелость и трудность выполнения такой задачи: применить их науку (самую абстрактную, самую строгую) к уяснению столь конкретного и в то же время столь загадочного явления природы, как парящий полёт птиц.

...Десятки учёных разных стран долгие часы вели наблюдения за парящими птицами. Сам Жуковский, страстный охотник, тоже не раз забывал о ружье, заглядевшись на плавно кружащего в вышине коршуна или на аиста, величественно соскальзывающего за кромку леса. Но тщательно зарисовать траекторию полёта — вот всё, что могли сделать терпеливые наблюдатели. Это тоже было нелегко — ведь снизу часто и не разглядишь, набирает птица высоту или теряет её; что же касается незаметных поворотов крыльев или скорости и направления ветра там наверху — измерить это, конечно, было просто невозможно. Оставалось рассуждать. Рассуждать строго математически. И, видимо, профессор прикладной математики Жуковский делал это весьма убедительно — слушали его с большим интересом. Один за другим разбирает он возможные варианты: птица парит в неподвижном воздухе, ветер дует

ровно и горизонтально, дует порывами, птица парит в восходящих струях воздуха. Опровергает существующие гипотезы, выдвигает свои. Математический анализ безукоризнен, слушатели провожают докладчика аплодисментами, но...

Но сам-то Жуковский знает, как далеко ещё до раскрытия тайны полёта. Недаром в начале доклада он предупредил, что будет рассматривать «задачу о парении птицы не как задачу аэродинамики, которая представляет непреодолимые трудности, а как задачу механики твёрдого тела».

Немного странно слышать, что птицу называют «твёрдым телом». Но с точки зрения механики это именно так.

Твёрдое тело — птица.

На неё действуют силы.

Сила тяжести — вниз.

Поддерживающая (или подъёмная) сила крыльев — вверх.

Поскольку птица не падает, а совершает плавный, парящий полёт, не затрачивая никакой работы, можно предположить, что силы эти равны, и строить дальнейшую цепь рассуждений по законам механики. Но как возникает поддерживающая сила крыльев в воздухе — на это механика не даёт ответа. Какую форму должно иметь крыло, чтобы сила эта была максималь-

ной, — тоже. Ответить на это могла бы только аэродинамика. Наука, которой ещё не существовало.

Впрочем, это не совсем так. Сам Жуковский со своими студентами начиная уже с 1889 года ставил пробные аэродинамические опыты в лаборатории при кабинете прикладной механики Московского университета. Опыты эти со стороны должны были выглядеть странно: уважаемый профессор и двое серьёзных молодых людей занимались тем, что запускали заводные летающие игрушки, бумажные

птички, воздушные змеи, или роняли с высоты конусы различной формы и веса и внимательнейшим образом следили за их спуском, или давали свободно падать картонной пластинке, крутящейся вокруг своей оси, и замеряли на полу расстояние, на которое её относило в сторону.

Велись аэродинамические работы и в других странах. Знаменитый исследователь полётов птиц Рейли попытался даже вывести формулу для расчётов подъёмной силы крыла. Для этого он уподобил крыло птицы плоской пластине и получил довольно простое математическое выражение. Смысл его заключался в следующем: узнайте скорость ветра, угол наклона кры-

ла и его площадь — и немедленно получите подъёмную силу. Возможно, что аналогичной формулой пользовался в своих расчётах Можайский, — недаром крылья его аэродинамика имели такую огромную площадь, что напоминали положенные паруса. Однако, если подсчитать по формуле Рейли подъёмную силу крыльев любого из современных самолётов, получится, что все они немедленно должны упасть на землю, — их вес больше подъёмной силы крыльев. Сейчас нам легко посмеиваться над этим заблуждением учёного и спокойно продолжать свой полёт, но в те годы ошибку в его рассуждениях найти было весьма трудно.

А всё дело было в том, что крыло птицы или самолёта — не пластины. Казалось бы, незначительный изгиб даёт вдруг резкое увеличение подъёмной силы. Вывести же эту силу теоретически не представлялось возможным просто потому, что было совершенно не известно, как, по какому закону будет обтекать воздух неплоское крыло, как распределятся скорости воздушных струй и давления? Как вся картина будет изменяться с изменением угла наклона крыла?

Первым, кто обратил внимание Жуковского на интересные явления, связанные с выгнутым крылом, был Лилиенталь.

Они встретились в 1895 году.

Жуковский был уже знаком с теоретическими работами немецкого исследователя, рассказывал о них в России. Теперь он увидел его полёты своими глазами. Стоя у подножия холма в Грослихтерфельде, он внимательно следил за всеми движениями спортсмена. Это всё тот же парящий полёт — человек силой своей воли и разума сумел уподобиться птице. Его лёгкий аппарат из ивовых прутьев и парусины — результат долгих наблюдений, расчётов, тренировок и инженерного искусства. Жуковский от души поздравляет приземлившегося Лилиенталья. Оживлённо беседуя, они направляются к вершине холма,

где в специальном ангаре Лилиенталь хранит другие свои модели. Он полон энтузиазма и радостных надежд. Завоевание воздуха непременно придёт через планеризм — в этом он убежден. Люди будут строить искусственные холмы, строить планеры, спорт этот станет массовым, и постепенно искусство летания станет таким же доступным, как езда на велосипеде. Жуковский с сомнением покачивает головой. Однако успехи талантливого немца так велики, его аппараты и мысли так интересны, что не хочется обескураживать его холодным научным скепсисом. Тем более что как экспериментатор сейчас он не имеет себе равных.

Вернувшись в Россию, Жуковский демонстрировал планёр, подаренный ему Лилиенталем, на одном из заседаний ОЛЕ — Общества любителей естествознания.

— Подъезжая к Берлину, — рассказывал он, — я думал о том направлении, которое получает теперь разрешение задачи аэронавтики. Стоящая громадных денег трёхсотсильная машина Максима с её могучими винтовыми пропеллерами отступает перед скромным ивовым аппаратом немецкого инженера, потому что первая, несмотря на её большую подъёмную силу, не имеет надёжного управления, а с прибором Лилиенталья экспериментатор, начиная с маленьких полётов, прежде всего научится правильному управлению своим аппаратом в воздухе.

Однако правильное управление лёгким аппаратом возможно только в относительно спокойные дни. Незначительный порыв ветра, слабое завихрение воздушных струй, — всё, что гуляющей публикой будет воспринято как приятная освежающая прохлада, — на чуткие крылья планёра может обрушиться, как удар невидимого воздушного кулака. Причём планерист даже не сможет заметить приближения опасности — это не водопад в реке, предупреждающий своим шумом, не буря, не смерч, который виден

издалека. Невидимые воздушные вихри проходят в нижних слоях атмосферы, катятся, как гигантские жгуты, подхватывают сухие листья, пылинки, насекомых. Помощник Лилиенталья рассказывал впоследствии, что сам он, стоя внизу у подножия холма, даже не почувствовал изменения ветра и не мог понять, отчего вдруг планёр взвился вверх, а затем...

Всего лишь год назад Жуковский рассказывал о своей встрече с Лилиенталем и его достижениях, а теперь должен рассказывать о его гибели. Случайная, бессмысленная

смерть. Отдавая должное огромным заслугам немецкого исследователя, Жуковский ни словом не упоминает о своих разногласиях с ним, об ограниченных возможностях чисто экспериментальных работ, какими бы блестящими они ни были. Сам-то он убеждён, что без ясной теории ни одна тайна природы не может стать достоянием человечества. Наподобие того, как путешественник, открывший загадочные древние письмена, передаст их учёному для расшифровки, так и экспериментатор должен передавать добытые им факты теоретику для осмысления и анализа. Теорию движущегося воздуха, аэродинамики создать не-

обходимо, — никому важность этой задачи не видна с такой остротой, как Жуковскому.

Русские фамилии европейцу часто кажутся труднопроизносимыми. Но что поделаешь — вклад русских в науку к концу девятнадцатого века становится таким значительным, что приходится мириться с этой трудностью. Mendeleev, Mechnikov, Pavlov, Iablochkov — эти имена всё чаще мелькают на страницах научных журналов и энциклопедий, звучат на конференциях и съездах учёных всех стран. А в начале XX века к ним прибавляет-

ся еще одно имя — Joukovsky. Начиная с 1906 года уже ни одна научная работа, так или иначе связанная с теорией воздухоплавания, не может обойтись без упоминания этого имени.

Только очень наивные люди могут верить, будто Ньютон открыл закон всемирного тяготения, увидев падающее яблоко, а Менделеев создал периодическую систему, удачно разложив пасьянс из карточек с названиями химических элементов, а Флемингу стоило разглядеть под микроскопом действие плесени на микробов, как был готов пенициллин. То, что принято называть «мгновенным озарением», приходит к человеку лишь тогда, когда его

память накопила огромный запас знаний, ум проделал тысячу попыток обнаружить внутреннюю связь между явлениями природы, а жажда познания достигает такого уровня, что ни одно даже, казалось бы, самое пустячное впечатление не отбрасывается без тщательного исследования. Тогда-то и приходит открытие, тогда счастливому мгновению есть что озарить.

Так было и с Жуковским.

Ещё в 1890 году он заинтересовался одним любопытным свойством прямоугольного флюгера, известным в науке и до него.

Это явление каждый из вас может наблюдать, проделав простой опыт. Вырежьте из плотной бумаги полоску размером с палочку для эскимо. Поднимите её на высоту собственного роста и выпустите из пальцев так, чтобы она падала горизонтально, чуть крутнув в последний момент. Полоска полетит вниз, не переставая вращаться, и не отвесно. Какая-то загадочная сила непременно будет относить вращающуюся полоску в сторону.

Для того чтобы скопировать в точности опыт Жуковского, потребовалось бы несколько больше времени. Но суть исследуемого им явления была та же: снос падающего и вращающегося вокруг своей оси кусочка картона. Причём направление сноса зависело от направления вращения: если пластинку закручивали вправо, её относил влево, и наоборот.

Что это значило? Это значило, что кроме силы тяжести на летящий кусок картона действует ещё какая-то сила. И направлена эта сила вбок, перпендикулярно потоку воздуха. В опыте воздух был неподвижен, падала сама пластинка, но мы уже говорили, что это неважно — движется предмет или воздух. Важно, чтобы была какая-то скорость обтекания. А если направить поток воздуха горизонтально и закрутить пластинку, насаженную на ось вращения, в нужном направлении, — что тогда? Тогда загадочная сила окажется направ-

ленной вверх? И может быть... Может быть, она окажется так велика, что сможет преодолеть даже силу тяжести пластины и поднять её в воздух? А может, и не только пластины? Возможно, целый летательный аппарат сможет опереться на вращающиеся плоскости и взлететь?

Идея кажется Жуковскому необычайно заманчивой. На первых порах он даже пытается создать модель летательного аппарата, поднимающегося силой вращающихся пластин. Модель в воздух не поднялась, но, поставленная на весы, показывала сильное уменьшение веса, когда пластины начинали вращаться в потоке воздуха.

Начиная с 1900 года Жуковский всё больше сил и времени отдаёт тем задачам, которые связаны с обтеканием твёрдых тел потоком воздуха. Но где взять этот поток для эксперимента? При свободном падении тел скорости слишком малы. Ветер, дующий на улице, капризен и непостоянен. Не укреплять же, действительно, экспериментальное оборудование на крыше несущегося вагона. Нет, нужен искусственный поток воздуха в стенах лаборатории, которым можно было бы управлять по своему желанию. И в 1902 году Жуковский сооружает первую в России аэродинамическую трубу.

Современные аэродинамические трубы достигают размеров трёхэтажного дома. В них свободно может быть установлен большой пассажирский самолёт. Но по принципу действия они мало чем отличаются от первой трубы Жуковского, умещавшейся в небольшом кабинете прикладной механики Московского университета. Она представляла собой длинный короб прямоугольного сечения, имевший на одном конце мощный вентилятор, а на другом — раструб для всасывания воздуха. Посредине короба было сделано сбоку отверстие, через которое можно было вводить любой исследуемый предмет — шар, цилиндр, модель крыла, вращаю-

щуюся пластину. Вентилятор начинал работать, воздух засасывался через раструб, и поток его, имеющий равную и постоянную скорость по всему сечению короба, обтекал твёрдое тело так, как если бы оно несло с такой же скоростью в неподвижном воздухе.

Теперь работы пошли полным ходом.

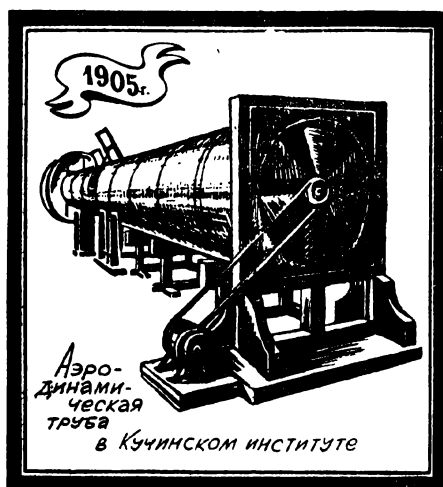
Идея как-то использовать подъёмную силу вращающейся пластины не оставляет Жуковского. Он создаёт теоретическую формулу расчёта этой силы — она оказывается очень проста. Нужно только

знать скорость обтекающего потока воздуха, его удельный вес и скорость вращения пластины. Имея аэродинамическую трубу, он может провести серию точных опытов. Вращающаяся пластина на специальной штанге вводится в поток воздуха. Снаружи конец штанги опирается на весы. Чем больше подъёмная сила, действующая в трубе на пластину, тем дальше отклоняется стрелка весов. Жуковский проводит эксперименты для разных пластин, при разных скоростях потока, и выписывает величину подъёмной силы в специальную таблицу. Рядом он записывает ту же величину, подсчитанную по теоретической формуле. Экспериментальная и теоретическая величина

почти полностью совпадают! Форма *мула* получает блистательное подтверждение, но...

Но существует ещё и горизонтальная сила — лобовое сопротивление пластины потоку воздуха. И увы, — эта сила, замеренная в процессе опытов, тоже весьма внушительна. Значит, летательный аппарат с вращающимися пластинами вместо крыльев (не путать с вертолётom — бескрылым аппаратом с несущим винтом) должен был бы иметь слишком мощный винт и мотор, чтобы преодолеть это сопротивление.

А чем мощнее мотор, тем больше его вес.

А чем больше вес, тем больше должна быть подъёмная сила.

А раз нужна большая подъёмная сила, значит, и пластины должны быть длиннее.

А чем длиннее пластины, тем больше их лобовое сопротивление, а чем больше лобовое сопротивление, тем мощнее должен быть мотор, а чем мощнее мотор, тем больше его вес, — и так далее.

Получался заколдованный круг, сказка про белого бычка.

Идея практического использования подъёмной силы вращающейся пластины явно заходила в тупик.

Но ум великого учёного тем и отличается от обыкновенного ума,

что богатство его идей неисчерпаемо. Опыт показывает несостоятельность выдвинутой теории? Значит, в чём-то она порочна, необходимо хотя бы на время отказаться от неё, заняться разработкой следующей.

«Нужен, настоятелен и будет решать дело разумный и твёрдый опыт, — писал Дмитрий Иванович Менделеев, — и молодое и неопытное умственное построение пойдёт на поводу в ту и в другую сторону, пока, приучённое опытом к верной дороге, само не станет возить за собой или на себе всю сущность опытного знания».

Для Жуковского очень важно было получить хорошую экспериментальную базу. Теперь у него есть не только лаборатория в университете, но целый Аэродинамический институт в Кучине. (Этот институт был построен на деньги его студента Рябушинского, который, получив большое наследство, пожертвовал сто тысяч рублей на научные исследования.) От опыта к опыту проблема понемногу очищается от всего случайного и побочного, предстаёт теперь перед умственным взором Николая Егоровича во всей своей однозначности: с одной стороны, есть вращающаяся пластина, поддающаяся теоретическому расчёту, но не дающая возможности взлететь, с другой стороны, есть изогнутое неподвижное крыло, расчёту не поддающееся, но уже позволяющее человеку держаться в воздухе наподобие парящей птицы. Как проложить между ними мост?

Трудно сказать, в какой момент рождается в мозгу учёного гениальная мысль. Наверно, он не вскакивает при этом со стула, не хлопает себя по лбу, не испускает радостных криков. Вряд ли и сам Жуковский мог бы впоследствии с уверенностью сказать, когда это произошло. Ясно одно: идея, пришедшая ему в голову, была настолько парадоксальна, что заурядный ум сразу отбросил бы её как очевидную нелепость. Ну, действи-

тельно, как это можно уподобить неподвижное изогнутое крыло плоской вращающейся пластине? Что между ними общего? Какая может быть связь между характером обтекания одного и другого? Нужен был огромный опыт Жуковского-математика и Жуковского-экспериментатора, чтобы суметь вычлени в обоих явлениях весьма важное свойство, делавшее их подобными, — вихри!

Следует новая серия опытов, и записываются новые страницы теоретических выкладок, и, наконец, в 1906 году Жуковский публикует результаты своих исследований в

двух статьях: «О падении в воздухе лёгких продолговатых тел» (то есть о вращающихся пластинках) и «О присоединённых вихрях». Весь огромный труд, все опыты, расчёты и исследования свелись в конечном итоге к маленькой формуле: P (подъёмная сила) $= J$ (циркуляция скорости) $\times \gamma$ (удельный вес воздуха) $\times V$ (скорость потока).

$$P = J \cdot \gamma \cdot V$$

Но именно с этой формулы аэродинамика перестаёт быть просто разделом механики, а становится самостоятельной научной дисциплиной.

Семён КОГАН

Черепаша в небе

*Не испытывая страха,
Будто ей
Не в первый раз,
Взмыла в небо
Черепаша
И как птица
Понеслась.
Сверху —
Речка голубее,
Зеленее в поле рожь,
Сверху всё-таки
Виднее,
До чего же
Мир хорош.
Рядом — тучки,*

*Рядом — солнце,
А внизу —
Земля плывёт...
Кое-кто
Ещё смеётся:
«Черепаша
Тихоход!..»
Черепаша,
Но не эта,
Что летит
Средь бела дня
В самолёте
Без билета
Под рубахой
У меня.*

Хотите стать фокусником?

Быть фокусником — всегда пригодится. И на школьном вечере, и на пионерском сборе, и в лагере у костра стоит вам только предложить ребятам: «Хотите фокус покажу?» — никто посмотреть не откажется.

Другой вопрос: как стать фокусником? Но это тоже не очень сложно. Главное — быть внимательным и немножечко подготовиться специально. К тому же «волшебная палочка» нам сейчас не понадобится. Мы и без неё обойдёмся: фокусы-то у нас математические!

Итак — внимание!

У КОГО КОЛЬЦО?

Для этого фокуса нужно пригласить ребят — ровно 24 человека. Построить их в три ряда по восемь человек в каждом. Достать из кармана любое самодельное кольцо и объявить:

«Любой из двадцати четырёх участников фокуса может надеть это кольцо. На любую руку. На любой палец. На любую фалангу пальца. Я смотреть не буду. Я просто отгадаю: у кого оно на руке, на какой руке, на каком пальце и на какой фаланге.

Только давайте условимся: всех и всё пронумеруем. Итак, у нас три ряда ребят: первый, второй и третий. В каждом ряду 8 ребят — значит, каждый из вас имеет номер от первого по восьмой. У каждого две руки, значит, правая рука будет № 1, а левая № 2. На каждой руке по пять пальцев — значит, номера от первого до пятого (первый — большой палец). А на каждом пальце по три фаланги: верхняя — это № 1, средняя — № 2, нижняя — № 3. (Для больших пальцев: верхняя фаланга — № 1, нижняя — № 2.)

Нумерация закончена. Теперь только запомните номер ряда, номер своего места в этом ряду, но-

мера рук, пальцев, фаланг и — на-те вам кольцо.

Да! Выделите-ка мне ещё ассистента, который пойдёт со мной и будет следить, чтобы я не подсматривал. А если хотите, ассистент может мне и глаза завязать».

Итак, фокус начался! Вам завязали глаза, а ребята спрятали кольцо — кто-то его надел на палец.

Теперь так и сидите с завязанными глазами и командуйте:

«Номер ряда, где находится человек с кольцом, умножьте на 10; к полученному числу прибавьте номер человека, имеющего кольцо; полученное число умножьте на 10;

прибавьте ещё 36;

к этой сумме прибавьте номер руки, на которой находится кольцо; снова полученное число умножьте на 10;

к полученному произведению прибавьте 35;

к этой сумме прибавьте номер пальца, на котором находится кольцо;

ещё раз умножьте на 10;

наконец, прибавьте номер фаланги, на которой находится кольцо. Всё! Назовите мне последнее число».

А дальше всё совсем просто. Допустим, назвали число 36103. Мне остаётся только снять с глаз повязку, подойти к человеку, стоящему вторым в третьем ряду, и объявить:

«Кольцо у вас. Оно на правой руке, на нижней фаланге мизинца».

Не сомневайтесь — всё получится правильно. От названного числа 36103 нужно отнять 3950. Всегда, в любых случаях отнять 3950. В данном случае у вас получилось 32153 — пятизначное число, где цифра десятков тысяч показывает номер ряда, цифра сотен — номер руки, цифра десятков — номер пальца и цифра единиц — номер фаланги.

ВОЛШЕБНЫЙ КВАДРАТ

Всё-таки без «волшебства» в фокусах не обойтись. И если у вас нет «волшебной палочки», то уж «волшебный квадрат» вы ребятам показать можете. Вот он на нашем рисунке. Перерисуйте его покрупнее, покажите ребятам и предложите им:

1	24	15	20	9
17	2	16	8	10
25	18	3	11	14
23	7	12	4	21
6	13	19	22	5

«Каждый из вас может задумать любое число из этой таблицы. А я угадаю, какое именно».

Однако квадрат квадратом, а вам ещё нужно иметь пачку карточек и конверт. Как только вы предложите ребятам задумать число — доставайте конверт, из него — карточки и положите их рядом с собой.

«Все задумали?»

«Все!»

«Тогда слушайте меня внимательно. Я сейчас буду откладывать карточки из этой пачки. По одной слева направо. Когда я буду это делать, то с каждой поднятой мною карточкой вы прибавляйте к задуманному вами числу по единице. Например, если вы задумали двадцать, то, когда я буду перекладывать первую карточку — считайте мысленно — «21», со следующей карточкой — «22», потом «23», «24»... Когда ваш счёт дойдёт до 31, кричите: «У меня готово!». Я тотчас же подойду к вам и покажу задуманное число.

Итак, начинаем!»

Вы начинаете откладывать карточки, а вокруг — напряжённая тишина: все считают. Наконец кто-то сообщает: «У меня всё готово!»

Вы подходите к нему и показываете карточку с задуманным числом.

«Правильно!» — удивляется игравший.

А иначе и быть не может! Все задуманные цифры вы отгадываете только правильно.

Как это делается? А вот как.

В вашем конверте карточки расположены в следующем порядке: пять пустых карточек (без чисел), а затем идут карточки с числами: 25, 24, 23, 22 3, 2, 1.

В тот момент, когда кто-то говорит: «У меня всё готово» — вы держите в руках как раз ту карточку, где записано задуманное число.

Математические фокусы предложил вам
В. М. РОЗЕНТУЛЛЕР.

ПРИЧЁСКА ПОДВЕЛА

Семнадцатилетний американский боксёр Том Остпау оказался жертвой... собственной причёски. В первом же поединке на турнире «Золотые перчатки» достаточно было одного удара противника, и длинные волосы Тома полностью закрыли ему лицо. Боксёр оказался практически слепым. Рефери немедленно остановил бой и объявил поражение Остпау... техническим нокаутом.

ЧАСЫ ИЗ... ДЕРЕВА!

Собрал их вятский умелец Николай Михайлович Бронников. У этих диковинных карманных часов механизм и цепочка сделаны из пальмового дерева. Стрелки — из капа. Пружина — из заклённого бамбука. Циферблат украшен перламутром. Часы хранятся в краеведческом музее в городе Соликамске Пермской области.

Это не единственные диковинные часы, сделанные народным умельцем. Подобные же, собранные Бронниковым и его сыновьями, есть в музеях Ленинграда, Москвы, Кирова и... в Женеве.

ХЛЕБ... БЕЗ МУКИ!

В этом каравае совсем незначительное количество муки, остальное — крахмал, патока и другие компоненты.

Рецепт бессолевого и безбелкового хлеба разработали сотрудники Научно-исследовательского института пищевой промышленности нашего города совместно с учёными Первого медицинского института.

В таком хлебе в первую очередь нуждаются больные, страдающие почечной недостаточностью.

ИНТЕРЕСНЫЕ НАХОДКИ

При земляных работах в пригороде ливийской столицы была обнаружена погребальная камера размером 3,3 на 1,1 метра. В ней находились два человеческих захоронения, металлические кувшины, блюдо с кубическим орнаментом, выполненный в чёрном лаке, бронзовая финикийская чеканка, стеклянные флаконы и фонари.

Специалисты относят гробницу к III веку до нашей эры. Находки представляют большой научный интерес.

ЧЕМ ПОЗАВТРАКАЛ КАШАЛОТ...

Детский пластмассовый автомобиль, дамская синтетическая сумочка для пляжа, тубик из-под крема, хозяйственный полиэтиленовый мешочек, пластмассовая судовая солонка, рожок для надевания обуви, флакон от одеколона — все эти трофеи найдены работниками Тихоокеанского научно-исследовательского института рыбного хозяйства и океанографии в желудках кашалотов, добытых дальневосточными китобоями.

Почти из каждого рейса китобой привозят необычные новости. Так, однажды огромный зубатый кит был поднят на борт китобазы с торчащей изо рта... авиационной крышкой.

...общие запасы воды на нашей планете составляют астрономическую цифру — 15 триллионов тонн? Это более 500 миллионов кубометров на каждого жителя Земли. Однако пресная вода составляет лишь 3 процента общего запаса влаги. Многие страны мира уже испытывают в ней недостаток. Учёные стремятся разработать методы опреснения морской воды, видя в них один из основных путей решения проблемы.

...жители портового города Невельска, на Сахалине, определяют погоду без помощи приборов? Для этого им достаточно взглянуть на бетонный мол, защищающий порт от морских волн. Если на молу мирно отдыхают ушастые тюлени-сивучи, погода будет хорошая, а если их там нет — жди шторма. Живые «барометры» никогда не подводят.

...сосна, ель, кедр, пихта живут до 120 лет? Это вдвое больше традиционных «городских деревьев». Хвойные гораздо полнее насыщают воздух чудодейственными фитонцидами, убивающими болезнетворных бактерий. Гектар хвойных насаждений каждые сутки обогащает воздух четырьмя килограммами этого эликсира здоровья. Учёные рекомендуют ежегодно переселять хвойные растения в сады и скверы городов и рабочих посёлков.

...по количеству переведённых в 1970 году книг на первом месте — СССР? Затем идут ГДР, ФРГ, Испания, США, Япония, Франция и далее Нидерланды, Италия, Швеция, Чехословакия. Среди переводимых авторов на первом месте В. И. Ленин (448 вместо 202 в 1969 году). Далее популярен Шекспир (141), Жюль Верн (128), Ж. Сименон (119), Энид Блайтон (108), Агата Кристи (95), Достоевский (78). Из древних авторов наиболее популярны Платон и Гомер (по 48 переводов).

...состоявшуюся в истекшем году Олимпиаду в Мюнхене (ФРГ) посетило 4400 тысяч зрителей? Никогда раньше олимпиады не собирали такого количества любителей спорта. Устроители получили 53 589 277 марок за проданные билеты. Эти цифры свидетельствуют о росте популярности Олимпийских игр среди любителей спорта во всем мире.

...новозеландские геологи обнаружили на Земле Виктории в Антарктиде окаменевшие останки рыбы, которая жила более 350 миллионов лет назад? Учёные

установили, что найденная рыба могла дышать воздухом. Они отнесли ископаемую рыбу к предкам первых сухопутных животных на Земле. Учитывая особую ценность находки для археологии, она сначала будет тщательно изучена на месте, а затем подготовлена для перевозки.

...земная кора под нашим городом имеет толщину примерно 40 километров? Она распадается на три «этажа». Самый нижний — граниты и кристаллические сланцы — это как бы фундамент. Его возраст около двух миллиардов лет. Выше располагаются песчаники и глины, возраст — от 250 до 500 миллионов лет. Они перекрыты уже современными отложениями.

...учёные ведут постоянный поиск растений, представляющих практическую ценность для промышленности и медицины? Из 17 520 видов высших растений, произрастающих на территории СССР, уже выявлены 4 тысячи кормовых, более 380 лекарственных, сотни — технических, пищевых и других.

....истекшим летом в Латвийской ССР был найден гриб, весящий 10 килограммов, высотой 1,7 метра? Уникальный гриб демонстрировался на выставке «Человек и природа» в городе Лиепая.

ПЛЕТЁНКА

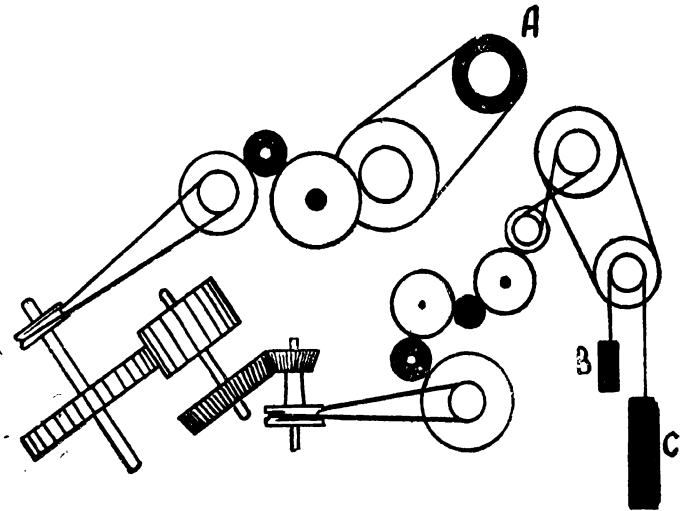
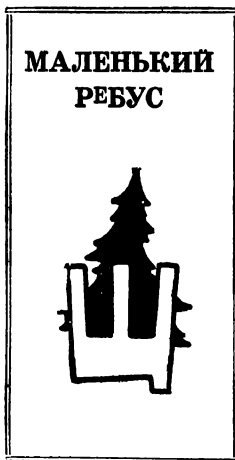
На десяти полосках написали десять семибуквенных слов, а затем полоски переплели рогожкой, и некоторые буквы скрылись. Попробуйте догадаться, какие слова были написаны на полосках.

Отдел ведёт Вадим Аментьев

ДВА ГРУЗА

Какой из грузов — В или С — будет подниматься, если колесо А вращать по часовой стрелке?

ЗАШИФРОВАННАЯ ПОСЛОВИЦА

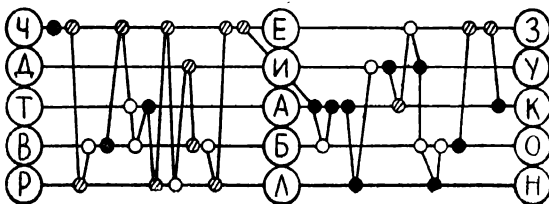
Для того чтобы прочесть зашифрованный текст, прежде всего надо разобраться, к какому из вертикальных рядов букв относятся чёрные, белые и заштрихованные точки. Допустим, что чёрные точки относятся к среднему ряду

букв, белые — к левому, а заштрихованные — к правому. Начинаем читать с левой стороны, двигаясь вдоль ломаной линии, соединяющей точки.

Получается — ЕЗНВБЗТ...

Отсюда видно, что предположение, сделанное нами, неверно, этот вариант распределения точек отпадает.

Дальше попробуйте разобраться самостоятельно.

Проверь себя

(Ответы к «Искорне» № 2)

КРОССВОРД

По горизонтали. 1. Кусок 4. Абонемент. 8. Арфа. 10. Арка. 12. Рур. 13. Анна. 14. Ость. 15. Кок. 16. Кома. 17. Кокс. 22. Агломерат. 23. Ротон.

По вертикали. 1. «Блоп». 2. Смех. 3. Крем. 4. Акка. 5. Тара. 6. Каракас. 7. Марокко. 9. Рондо. 11. Котик. 16. Кола. 18. Свет. 19. Блер. 20. Омет. 21. Крен.

ПЛЕТЁНКА

По горизонтали. Грызун. Карета, Дафния. Каскад. Малина. Пагода.

По вертикали. Оратор. Мостик. Радуга. Август. Бирюза. Решето.

ДОМИНО

Эта фигура сложена из таких косточек: 6—1, 1—4, 5—5, 6—5, 5—1, 4—5. Все другие варианты содержат одинаковые косточки, а это противоречит условию.

ПЯТЬ ПРЕДМЕТОВ

Из общего ряда выпадает «пила», так как все остальные предметы не имеют формы единственного числа.

Содержание

Март. Лосёнок. Стихи Леонида Шкавро	1
Жаворонки прилетают сюда. Продолжение повести Леонида Шестакова	3
Мефодий. Рассказ Александра Гиневского	24
Непредусмотренная экскурсия. Очерк С. Шнапира	34
Весенняя конница. Прятки. Снеговик. И мороз, и лыжи голубые... Стихи Владимира Орлова	37
В заграничной командировке. Рассказ Бориса Раевского	38
Тетрадки и загадки. Стихотворение А. Шибаева	46
Кто же он, Гантус ар-Руси? Статья Эд. Аренина	47
Рассказы о науке полёта. Очерк Игоря Ефимова	51
Черепаша в небе. Стихотворение Семёна Когана	58
Хотите стать фокусником? Статья В. Розентуллера	59
Пёстрые заметки	61
Клуб смекалистых ребят	63

На 1-й странице обложки рисунок художника П. Вискова «Фигуристка».

На 2-й странице обложки фотоэтиюд Г. Сафонова «Март».

На 3-й странице обложки загадочная картинка художника А. Курушина «Лабиринт».

На 4-й странице обложки рисунок художника Ю. Шабанова «Прилетели!»

Редактор В. Л. БИАНКИ

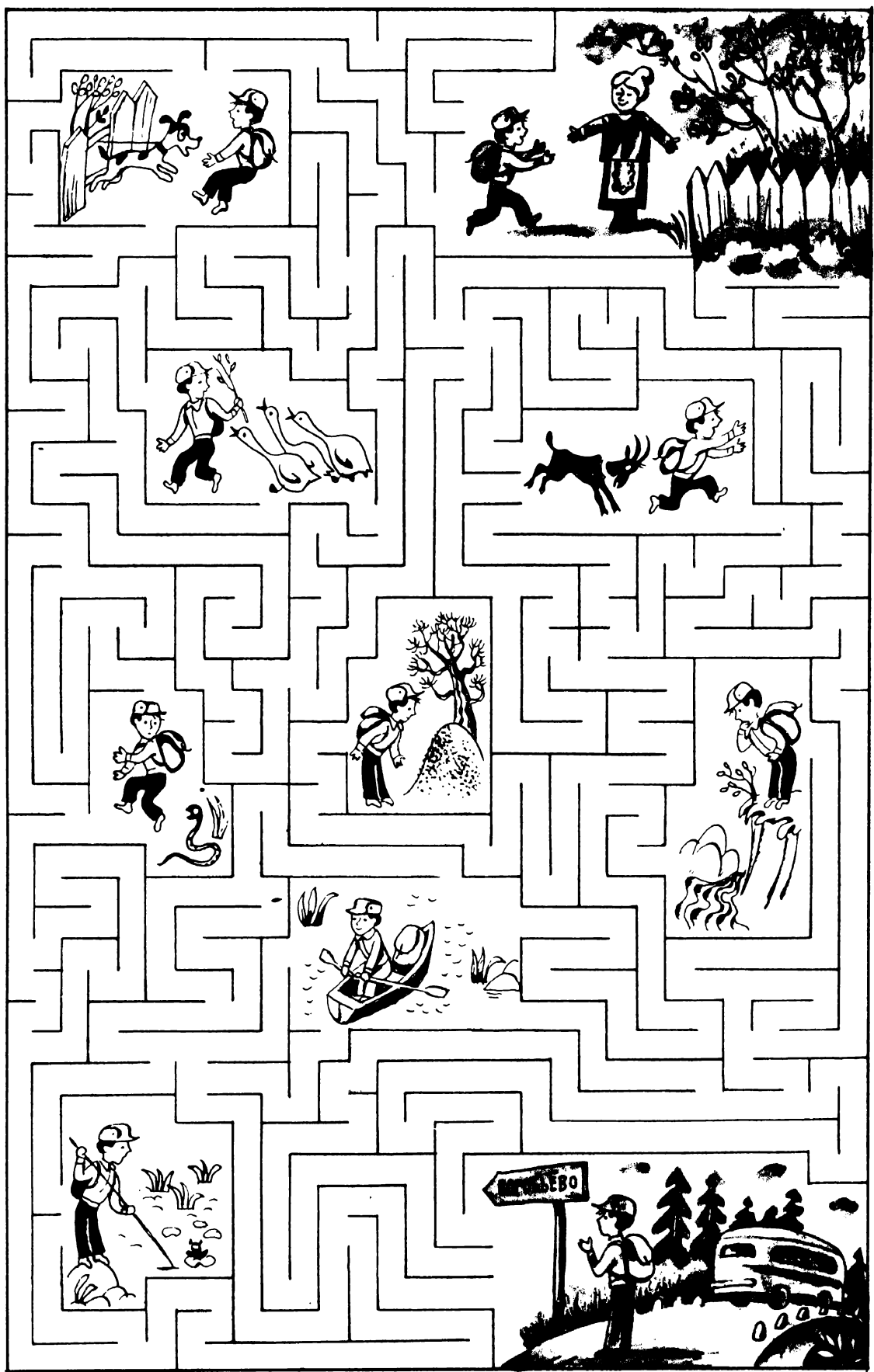
Редактор-составитель В. Н. СУСЛОВ.

ОБЩЕСТВЕННАЯ РЕДКОЛЛЕГИЯ: А. Е. Власов, Н. А. Внуков, И. Л. Дворкин, К. И. Курбатов, А. М. Млодик

Адрес редакции: Ленинград (191023), Фонтанка, 59, комн. 444. Телефон: 12-87-55

Сдано в набор 1/II 1973 г. Подписано к печати 9/III 1973 г. 4 п. л.
М-37784. Зак. № 49. Формат бумаги 70 × 108¹/₁₆. Цена 10 коп. Тираж 65 000 экз.

Ордена Трудового Красного Знамени типография им. Володарского. Лениздат. Ленинград, Фонтанка, 57.

Препятствий много на пути. ^У
 А ты бы тут сумел пройти?

